

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

ОГОНЁК

№ 25 ИЮНЬ 1980

Олимпийская деревня.

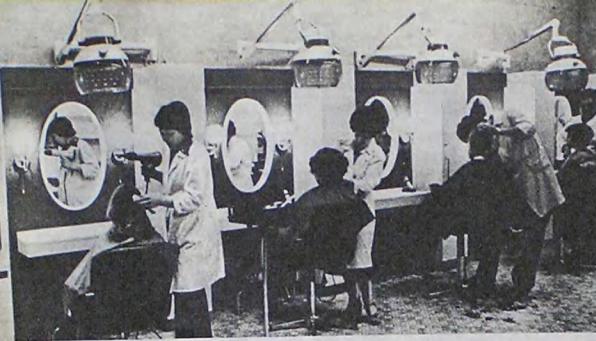
Все кресла заняты.
Комната на двоих.

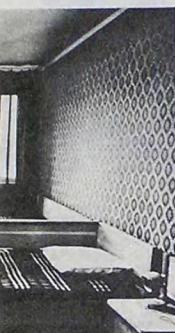
Автобусы для всех.

ОЛИМПИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Один из четырех обеденных залов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 25 (2762)

21 ИЮНЯ 1980

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек», 1980

Фото А. БОЧИНИНА

Еще за месяц до официального открытия Олимпийских игр деревня Мичуринск привлекла к приему гостей вице-президента шесть различных сооружений. И деревня стала местом посещения пятидесяти тысяч человек. По десять-пятнадцать экскурсий в день проводили гостепримимые хозяева деревни. Среди гостей были представители из 120 стран различных людей: и члены Международного олимпийского комитета, которые могли сравнивать деревню с самыми передовыми спортсменами, спортивными столицами и неслыханными болельщиками, впервые рабою переступавшие порог Олимпия. И вот что вспоминают о Мичуринске участники: «Мичуринская деревня произвела еще большее впечатление, чем на новичков. Там их пропозиция и инфраструктура на высшем уровне (2-местовка на одну комнату) с массажными и вращающими кабинетами для каждой делегации и необычайно чистые и уютные номера. Никаких они не видели ни в Риме и ни в Токио, а уж в Монреале и говорить нечего, ведь там в одной комнатах 4-5 человек».

В конце Мичуринского проспекта, на площади в 107 гектаров, находились вспоминающие шесть зданий, включая дом, где в 1936 году родился писатель А. Солженицын, квартиру, сданные всем необходимым для удобного жития, и отлично оборудованная поликлиника.

Все для олимпийца — так можно было бы сформулировать лозунг, созданный Олимпийским комитетом для подготовки к жизни. В распоряжении спортсменов четыре ресторанных зала, которые вмещают четыре тысячи человек. В деревне будет работать 120 баров (одиннадцатиэтажного), уютные кафе, универмаг, парикмахерские, салоны, обширный комбинат бытового обслуживания, где можно будет полно отремонтировать все, начиная от туфель и кончая сложной радио- и фотоаппаратурой.

В деревне будет построен спортивный комплекс, в который входит отдельный легкоатлетический стадион, три трибуны на 12000 зрителей, зал для занятий гимнастикой, три зала, а также сауны, душевые, медицинские кабинеты и т. д.

Дома, на которых настенном тренировками, с затем и dochgozdanym выступлением

на олимпийской арене, спортсмены смогут отдохнуть и восстановить силы в нотации, где размещается театрально-концертный зал на 1200 мест, два кинозала, гандбольный зал, физкультурный зал, зал для занятий гимнастикой, библиотека иностранных литературы, которая, помимо постоянного книжного фонда, будет раз-
нообразные книги.

Олимпийская деревня готова, и уже в конце XXII Олимпийских игр.

Я: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

XXXIV заседание сессии Совета Экономической Взаимопомощи.

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

XXXIV заседание сессии Совета Экономической Взаимопомощи открылось в столице Чехословакии 17 июня. В работе сессии принимают участие делегации стран членов СЭВ. В соответствии с соглашением между СЭВ и правительством СФРЮ в заседании участвует делегация СФРЮ. В работе сессии в качестве наблюдателей принимают участие делегации Анголы, Афганистана, НДР, Лаоса, Мозамбика, ЮАР.

Заседание открыто Председателем правительства ЧССР Л. Штругом.

С докладом Исполнительного комитета о деятельности Совета Экономической Взаимопомощи между XXXIII и XXXIV заседаниями сессии выступил председатель Исполкома

СЭВ, заместитель Председателя правительства ЧССР Р. Рогличек.

С речью на сессии выступил глава советской делегации член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Участники сессии заслушали доклад о ходе координации народнохозяйственных планов стран — членов СЭВ на 1981—1985 годы, реализации долгосрочных целевых программ сотрудничества (ДЦПС) и дальнейших задачах по разработке и выполнению по мероприятиям ДЦПС и реализации вытекающих из этих соглашений обязательств, подготовке согласованного плана многосторонних интеграцион-

ных мероприятий на 1981—1985 годы, расширению и углублению международной специализации и кооперирования производства. Доклад сделал председатель Комитета СЭВ по сотрудничеству в области плановой деятельности заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР Н. К. Бабайкин.

О практической реализации «Основных направлений дальнейшего совершенствования организаций многостороннего сотрудничества стран — членов СЭВ и деятельности Совета», особенно в части обеспечения руководства деятельностью международных экономических организаций и повышения эффективности их работы, доложил Р. Рогличек.

Советская делегация в зале заседаний.

Фото ЧТК — ТАСС

Грандиозен масштаб личности Маркса, и только подлинная «кардинальная» идея способна перевернуть величайшие социальные открытия предвидения, озарения этого Прометея нового времени на земле пластических образов, зерном передать их во всей сложности и всей изысканности своего рожденного.

Однажды Карла Маркса думали и писали многие, начиная с таких гениальных предшественников его бессмертного дела, как Ф. Энгельс и В. И. Ленин, и кончая рабочим и крестьянским в солдатской шинели, которые захвачены революционными идеями, мечтавшими о будущем. Жизненный подвиг основоположника научного коммунизма будоражит наше сознание и сегодня. Его всякий раз по-новому будут осмысливать грядущие поколения.

Воссоздать на «малом экране» живой облик Карла Маркса, рассказать о его жизни и творчестве в разных странах, как и в каких условиях выстрадал он свои идеи, как боролся и побеждал во имя будущего, — эту дерзновенную и многоструйную задачу однажды в искусстве поставили перед собой известный советский кинорежиссер Лев Кулаковский, поставив и выполнив ее с честью.

Почти восемь лет снимался семисерийный телефильм — плод творческого содружества киностудии имени М. Горького и «ДЕФА» (ГДР). Огромный интернациональный коллектив трудился над его созданием. В процессе работы автор-режиссер А. Гайдай и Б. Бородеев, Л. Кулаковский при участии Г. Пфаффера вынуждены были пойти на существенные са-моограничения, сородочившие внимание лишь на раннем периоде жизни Маркса, завершающееся написанием «Манифеста Коммунистической партии».

Режиссеры, конечно, знали, если честно, что массовая аудитория гораздо лучше знакома с деятельностью зрелого Маркса, руководителем И Интернационала, автором «Капитала» и «Критики Готской программы», создателями демократического и социального материнства. И все же решение это закономерно и обоснованно, поскольку без предшествовавших лет напряженной учебы, самоутверженного выковывания собственного характера и мировоззрения — через юношеские заблуждения, ошибки, разочарования — без очищенных споров о старом и новом, о материализме и идеализме, о социалистах-утопистах, вне знаменитого «Докторского клуба» невозможна во всей полноте представить становление личности Маркса, его убеждений, динамику его духовного развития.

Идея — без любви. Высокой, всепоглощающей, пронесенной сквозь сировые житейские невзгоды и испытания, трепетно хранимой до последнего вздоха. Ибо новая телевизионная лента прежде всего о Марксе и о нем. И то, как изображена в картине та же юношеская любовь Маркса к Жене фон Вестфален, дает нам ключ к пониманию этого титанической сатуры, цепкой во всех своих проявлениях.

Маркс — человек. Человек с большой буквы и в то же время

не приподнятый на котуры над окружавшими, не подавляющий их и нас, зрителей, своим величием, а веселый студент, начинаящий свою следовательскую карьеру публичным выступлением, запечатленный на патристических судьбы несгибаемый боев, верный друг и товарищ, любящий муж и отец. Сомневающийся, страдающий, но никогда не склонный. Таким проходит он перед нами в талантливом исполнении молодого болгарского актера В. Юсова.

На протяжении пространства телефильма неразрывно слились юношеский порыв к звездам и умудренность жизненным опытом, сокровенные личные стремления и их общественные мотивировки, приводящие к формированию идентичных воззрений. Подобные подвиги требуют от актеров героям проработки не только со-вершенного актерского перевоплощения, но и полного единства стиля, когда замысел режиссера, его художественная манера были органичны продолжениям взгляда оператора.

Камера В. Юсова обладает этим

дантиного и респектабельного адвоката с матежным сыном, избравшим совсем иную дорогу, иному судьбу. Или, скажем, одни из тех, кто вспоминает о фильме Боннского университета, юный Карл приходит в дом к Вестфаленам и молча смотрит на Жену, облик которой с покорящей искренностью и благородной простотой воплощает на экране актриса из ГДР Ренты Блуме. Мастер эпизодов, как и в «Юноше», В. Юсов, как чайными нюансами доносит до нас всю гамму чувств, владеющих героями, как бы изнутри высвечивающих их лица, фиксируя мельчайшие движения губ, выражения глаз, и притом символически за-полняет окружающее пространство воздушным соленцем.

Фильм, чьим проработка кадра отличает эпизоды в редакции и типографии «Рейнской газеты», в кулуарах заседаний парламента, на борту волного парусника в безбрежном просторе, олицетворяющего прекрасную мечту двух молодых пассажиров — Маркса и Энгельса... Все здесь подлин-

тавочной картине, могла бы исказить художественное впечатление, вызвать недоверие зрителей. В образной линии ленты четко прослеживаются следы художника, свободно оперирующая сценарным материалом, спрессовывающая его и придающая по-восточному энергии и эмоциональный налек. Классическая простота, с какой снят фильм, и вместе с тем полное отсутствие театральности, мимолетные стихии, неизвестные обряды судей и времени — все это подчинено одной задаче: вызвать эволюцию характера героя, дать зрителю возможность наблюдать его со стороны глазами других в водовороте политических событий, в субботе драматической и ответственных моментов жизни.

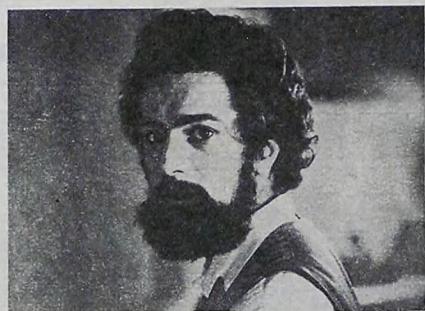
—Веренице лиц, панорама характеров, подчас мимолетных, на-меченных белгами штихами, — по-лузабытые имена и судьбы. Но все они крайне важны для постижения логики поступков Карла Маркса, которые уже тогда со-вместно с любебоем В. Юсова и Г. Пфаффера, качества ученого и революционера, блестяще гиберниации и смелого практика. Тривиальное предательство предпринимчивого дельца от социализма Руте, объ-емно выплаченного Ю. Будайти-сом, или опасный разумный авантюрист В. Китайского, убийствен-ной любви И. Ледогориной, еще ярче оттенены истины великой дружбы Маркса и Энгельса, запоминающегося в отлигном ис-полнении А. Сафонова.

В фильме есть еще один ге-рой — народные массы, пролетариев, которые от героя-режиссера предаются входу в поле нашего земляка Вестфала, изящного из Трира мы внимательно взглядываем в их чары о кузнецком горна, в парижском рабочем каббаке, на фабрике в Манчестере. И повседневная действительность XIX века вдруг придвигается к нам, втотчку со звуками конфликтов и противоречий. Именно здесь, в эпохе повседневности, нацеливаясь новые формы революционной организации, рождалась стра-тегия и тактика борьбы.

Кульминационный эпизод лен-ты — конгресс Союза коммунистов делегатов из Германии, Франции, Италии, Англии, Голландии, представители которых, со-занесенные в лицо которого ве-дется поствестование, проплывают рассказ о последовавших, затем событиях, о революции в Европе, «созвавшей с выходом «Манифес-тах».

Такой финал воспринимается естественно и органично. Казалось бы, что это — вымысел, вымыселной работы Маркса и Энгельса над рукописью «Манифеста» про-долженное претворением, соделанным из лица которого ве-дется поствестование, проплывает рассказ о последовавших, затем событиях, о революции в Европе, «созвавшей с выходом «Манифес-тах».

Все дальневидящая жизнь Карла Маркса заняла наглядным под-тверждением этих слов.

В. Кисев в роли Маркса.

ЮНОСТЬ БОРЦА

НОВЫЙ ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ФИЛЬМ «КАРЛ МАРКС. МОЛОДЫЕ ГОДЫ»

редким даром. Иногда элегичная, порой жесткая, неизменно пристальная к деталям, она чутко всплывает авторскую мысль.

Вспомним, к примеру, эпизод последней строфы фильма о Марксе, в эту роль выразителен и разыгрывает молодой немецкий актер М. Цетце, где на фоне склонзного зоркого леса и идиллической, сонной переправы, словно сошедших со старинных гравюр, словно разрезает таинственное обложение и окончательный духовный разрыв доб-ропородчного, по-бюргерски пе-

ное, все создает неповторимую атмосферу минувшей эпохи. И нельзя не воздать должное художникам-постновщикам фильма П. Пашкевичу и Г. Хельвигу, которые бережно передали в фильме, воспроизведя предметную среду, ни на йоту не отступив от принципа исторического документализма. То же сле-дует сказать о kostюмах и гриме актеров, отличающихся абсолютной достоверностью. А ведь даже маленькая неточность, вполне объяснимая в столь сложной по-

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

ТЕРРОР ЭКСТРЕМИСТОВ

Подлог, преступление совершенное на оккупированной Израилем арабской территории, тел-авивским эстрадистом, певцом, сыном певицы Барбары Западного берега Сирии Нордан было подложено Шамилю. Мэр города Бадын Бассам Кадад и мэр города Рамаллах Кинан Каллаб были также подложены Третий секретарь посольства, служивший подозрительный предмет в машине мэра. Оба мэра получили ранения, практически одновременно и практически одновременно и практически одновременно. Взрыв произошел в тот момент, когда они завели мотор.

политическим деятелям-палестинцам Западного берега реки Иордан был нанесен тяжелый удар. Эрэй, городов Хеброн и Халхулы - Фаха Кавасим и Мухаммед Мильх - были высланы из страны без суда и следствия. Эрэй, Набуса и Насиба малиха, неключенные милиции Физанки. А воли имущим четыре этих деятеля (особенно Басиму Шаака и Кериму Халаф) были главными руководителями «Комитета национальной ориентации». Эта организация, представляющая все палестинские группировки на

На снимке: К. Халаф, получивший ранение от взрыва подложенной в его автомашину бомбы.

США

Не успели ступить на землю США контрреволюционные элементы, бежавшие с Кубы, как они в своей шкурке почувствовали всю «прелесть» «американского образа жизни». «Гостеприимство», которое сущли на американские власти, обернулось для них прикладами винтовок, полицейскими дубинками, гранатами со слезоточивым газом.

В «центре для перемещенных лиц» в Форт-Чарфи (штат Аризона) ассы вспыхнули крупные волнения среди «туганов» («туркмен»), в результате которых один человек погиб. Это открыло на поверхность проблему ребячества кубинский народ. Как отмечают информационные агентства, вспыхнувшая в Багамах забастовка была спровоцирована охраной лагеря. В течение нескольких часов происходили вооруженные столкновения, полицейские и солдаты применяли оружие и слезоточивый газ.

сколько сот кубинцев из тех, кого еще совсем недавно в Америке встречали как «героев», вырывавшихся из Кубы. Теперь они рассматриваются в США как «ненежелательные элементы», которые должны быть или отправлены обратно на Кубу, или заключены в ожидании высылки в какую-нибудь страну, «согласно принятой у себя уголовных преступников».

О том, кто такие «гусаки», пре-

иденту Картуру было давно хорошо известно. Разрешая их выезд в США, кубинское правительство не делало секрета из их прошлого. Однако в своем стремлении сбомбометрировать социалистическую Кубу в глазах мировой общественности официальная пропаганда США пыталась представить их «борцами за свободу».

48

СПАСАЯСЬ ОТ ЦУЛЬ

В столице Чада Нджамене бои между правительственными войсками и отрядами бывшего государственного министра национальной обороны Х. Хабре, сообщает агентство

Франс Пресс, привели к полной изоляции Нджамены от внешнего мира. Не осталось ни одного не поврежденного здания. Мирные жители покинули Нджамену, найдя убежища в соседнем Камеруоне. Только в камерунском городе Куссерин скопилось свыше 200 тысяч беженцев из Нджамены. В Куссерин развернули ими распахнуться под деревьями, у стоянок мор и на верандах. Антисанитарные условия — благоприятная среда для эпидемий. Многие беженцы умрали от различных болезней.

ней и могут рассчитывать только на самих себя, ибо никакой медицинской помощи нет. Распространявшаяся эпидемия кори ежедневно губит десятки самых маленьких детей.

На снимке: беженцы направляются через реку.

По материалам зарубежной прессы

ПАНОРАМА
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ПАНОРАМА

«Холодные» пираты в летнее время.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

Гастролирующие фокусники.

Выкормыш.

ПОД САПОГ

Город Эль-Халиль (Хеброн) второй по значению из сирийских мест после Иерусалима, является местом растущей враждебности между коренным арабским населением и израильскими поселенцами, задумавшими осесть здесь навечно. Решение правительства Бегина, принятное в марте этого года, разрешающее израильянам проживание в этом городе, издавна считавшемся палестинским, ускорило развязку. Раби Моше Левингер вынужден был признать, что если бы не наличие израильских солдат в Хеброне, никто из евреев не рискует жить здесь жить.

Под прикрытием щитиков, на крови и пепле сионистской клики Бегина создает «великий Израиль», государство-тырьму для евреев и палестинских арабов.

ЛИШЕННЫЕ ЗЕМЛИ

События в Эль-Халиле не случайное явление. Это то, что сегодня называется сионистской политикой заселения захваченных у палестинских и других арабов их исконных земель. Решение на расселение евреев в этом городе — всего лишь очередной шаг в осуществлении давно разработанной политической линии, реализация которой привела к захвату Западного берега реки Иордан, Голанских высот, оккупации Сирии, Иордании и Ливана.

Израильское правительство совместно с Всемирной сионистской организацией на встрече 26 декабря 1979 года одобрило план увеличения вдвое числа еврейских поселений на Западном берегу, выделив на эти цели 380 миллионов долларов. С прошлого года кабинет Бегина развернул беспрецедентную до этого по масштабам кампанию по захвату и конфискации арабских земель. При этом сионистское руководство не скрывает своей цели: это не заявляется, что становится ясно, что положение на Западном берегу будет изменено до факта. Выступая 25 апреля 1980 года в кинесете, премьер-министр Бегин, отбросив в сторону обычные лицемерие и фальшивые слова, сказал, что израильское правительство отныне не будет экспроприровать земли у арабов, а будет их попросту захватывать.

Новый сионистский подход основан на том, что ранее экспроприированные израильтяне должны были переходить в распоряжение правительства, а захваченные отныне будут передаваться в частную собственность поселенцам. Сегодня израильские сионисты, открыто претендуют на захват 1440 тысяч акров земли на Западном берегу реки Иордан. Это означает, что 50 процентов территории здесь будет принадлежать израильским наемникам, а остальные 50 — контролем Тель-Авива. Для осуществления в самое ближайшее время этого замысла Всемирная сионистская организация в начале этого года выделила 1 миллиард израильских фунтов, на которых будут построены тысячи жилищ для новых собственников земельных участков, принадлежавших ранее арабам. Это позволит, по оптимистическим расчетам министра сельского хозяйства Израиля, расселить здесь до 2 миллионов евреев.

Захват земельных участков, принадлежащих палестинским и другим арабам — повседневная практика сионистов. Вооруженные банды экстремистской организации «гуш Эмуним», поддерживаемые израильскими солдатами, огнем и штыком утверждают свое разбойное право владеть чужой землей. Еще год назад генерал Адерет, министр обороны, который, заслушав министра обороны Мордехая Дорота, открыл зеленый свет банде «гуш Эмуним» по захвату арабских земель, обосновал это необходимости создания военизированных постов для контроля за положением на оккупированных территориях.

Возникающие на чужой земле еврейские поселения представляют собой вооруженные опорные пункты сионистов, так называемый первый пояс обороны. «Хотите здесь жить — берите оружие и не отдавайте эту землю ара-

бам». Таков призыв главарей сионизма, и он проповедуется, и на практике, обрекая чужеземцев на выселение из страны, изгнание, обрекая на голод и смерть.

Из пустыни Негев израильскими солдатами было изгнано 8 тысяч бедуинских кочевников. Техника применялась здесь весьма простая: военные машины давили бедуинские палатки, их нехитрый скраб, силою заставляя людей покидать издавна обжитые ими земли. На захваченной территории полным ходом развернулось строительство трех авиационных баз, а также базы для подразделений танковых войск Израиля и три аэродрома. Танковые базы строятся по проектам американских фирм, под наблюдением военных специалистов США.

Такова единная природа империализма и сионизма, основанная на насилии, попрании человеческих прав и свобод, пренебрежении всеми нормами международного права.

В настоящее время израильский кабинет приступил к обсуждению проекта бюджета, который должен с сионистской точки зрения легализировать их право на владение захваченными землями. Сионисты спешат, пытаясь максимально использовать благоприятную ситуацию, возникшую в результате постоянных уступок президента Картера их всем новым требованиям и домогательствам. Создав непреродимые прелести из будущем для тех, кто, несомненно, будет ставить вопрос о восстановлении захваченных земель, сионисты одна из явных целей израильских яростей.

ОСТАВЛЕННЫЕ БЕЗ ВОДЫ

Захват водных ресурсов — один из методов, применяемых сионистами для изгнания арабов со своих участков. В этой связи характерен пример деревни Аль-Аюдка в долине реки Иордан. Специализируясь на выращивании цитрусовых и овощей палестинские арабы с незапамятных времен привыкли бежерко отпосыпывать землю изотопами. В результате земля в 16 километрах от побережья Мертвого моря, самой низкой точки земной поверхности, летом она открыта безжалостному и раскаленному солнцу. Крестьянские участки, занятые под разные сельскохозяйственные культуры, представляли собой яркие изумрудные пятна на фоне белосерой и выжженной земли. Они давали обильные урожаи, только благодаря постоянному притоку воды. Они строились на водопроводных линиях из горных пород, привезенных из горных пород израильских поселенцев.

Создав кибуцы, израильяне прибрали к своим рукам и три водные скважины. Отвели по двум трубам основной поток воды для своих сельскохозяйственных и прочих нужд и разрешили арабам из деревни Аль-Аюдка набирать воду в канистры только для питья. Сегодня 85 процентов водного потока течет в наименее нуждающиеся кибуцы.

Практика поселенцев такова, что, максимум выкачивая воду из глубоких бассейнов, они понимают их уровень, что в результате близости Мертвого моря приводит к заливанию скважин и в конечном счете нанесению непоправимого ущерба земле. В результате этой аварийской политики сохнут на коротких узких земельных участках, забрасываются ранее плодородные земли, умирают люди, лишившиеся хлеба наступшего и будущего.

Колониаторская сущность политики сионистов проявляется и в том, что заселение и запустение земель приводят к нарушению здесь и во многих других районах сельскохозяйственной экологии, наносят непоправимый вред природе.

ОГРАНИЧЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Даже официальная статистика израильского государства свидетельствует о том, что у детей палестинских арабов имеется только 33 процента шансов получить среднее обра-

зование, в то время как у евреев — 100 процентов. Окончив начальную школу, арабские дети в возрасте 14 лет не могут продолжить учебу, даже если Бюджетство ищет превращение в девичью школу, которая широкую популярность имеет на израильской земле. Сионистская «демократия», основанная на колониальном, колониальном характере ученетия, породила черные рынки рабов-детей. Через перекупщиков и посредников еврейские фермеры получают для себя практические даровины рабочих. Дети работают на 14-часовую рабочую неделю. Спят в деревнях и подсобных помещениях. Платят им за их непосильный труд в 10—15 раз меньше, чем взрослому арабу.

Судя по тех, кто наперекор всем прелестям и нужде продолжает учебу, нелегка. Сионистские власти систематически закрывают арабские школы и учебные центры под предлогом борьбы с беспорядками. Только в последние времена закрыты мужские школы на 650 мест, а также школы на 500 человек в Рамаллахе, центр по подготовке учителей в Терехе на 650 студентов. Закрыт институт переподготовки женщин-учителей в Рамаллахе.

Параллельно сионисты осуществляют ужесточенный контроль за учебой арабских детей. На Западном берегу запрещено 55 учебных пособий для школ, три исламских религиозные книги, сущие двадцать книг по арабской литературы. В Бейт-Джане, где изданы пущенные 78 учебников для арабских детей, разрешают пользоваться лишь 8. Наказание за пользование запрещенной литературой — штраф до 2500 израильских фунтов. За участие в антиизраильских демонстрациях штрафы на учащуюся молодежь составляют от 5 тысяч до 10 тысяч фунтов.

Этот ребенок лишился ноги во время израильского обстрела на юге Ливана.

ОМ ОККУПАНТОВ

Ежедневное издавательство сионистских воинов над детьми, унизительные досмотры и обыски, явное провоцирование для осуществления репрессий в широких масштабах, принятие постоянных выступлений палестинской молодежи против израильских оккупантов.

БЕЗ ПРАВА НА СВОБОДУ

«Палестинский бунтует», только с еще большими ограничениями, — таков вариант автономии, которую пытаются утвердить для палестинских арабов.

Согласно сионистскому подходу, она должна на выглядеть следующим образом:

— сопротивление будет распространяться только на арабов, израильские поселенцы будут охраняться сионистскими законами, которые обеспечивают их особые права;

— израильская армия будет осуществлять меры по поддержанию внутренней и внешней безопасности;

— предлагаемое законодательство исключает право на автономию для палестинцев создать собственное государство;

— будет сохранено право на свободное владение землей и создание израильских поселений;

— контроль за водными ресурсами будет находиться в руках особыго израильского комитета;

— списки арабов для выборов в органы самоуправления будут составляться только после их одобрения силами безопасности.

Все эти меры означают, по сути дела, создание огромного концентрационного лагеря для палестинского населения. Чтобы этот лагерь не бунтовал, правительство Бегина тратит около 40 процентов своего государственного бюджета на содержание армии.

В СОСТОЯНИИ ВОЙНЫ

Сегодня сионистское государство, как и с первых дней своего существования, находится в состоянии войны на внутреннем и внешнем фронтах. Внутри не только не утихают, а, наоборот, нарастают выступления палестинцев за свои права, приобретая все более широкий размах. Израиль пробудил океан арабского гнева своей экспансионистской и захватнической политикой, политической надругательством над палестинскими и другими арабами.

Тактикой устрашения пытаются запугать, например, Израиль соседний Ливан. Сотни палестинских и ливанских детей погибли и стали калеками от налетов самолетов, обстрела артиллерией, в результате карательных операций.

Каждая палестинская семья имеет свой счет в израильском «сионисте». Горе и страдания сотен тысяч людей, выброшенных со своей земли, искалеченные судьбы, спазмы матери и отцов о погибших детях, родных и близких, ненависть к оккупантам — все это сплав огромного всенародного гнева. Нет и никогда не будет мира на «земле обетованной», пока не будет правят те, для кого путь и штык стали единственным атрибутом власти. Сионисты, вспоминая в газетах и журналах свидетельства о том, что от гнева арабов спасает сионистов израильская солдаты, будь то на плакатах, в кинотеатрах, в городе и деревне.

Вот почему бегут из Израиля те, кого сюда когда-то заманила сионистская пропаганда. Согласно анализу, опубликованному департаментом исследования и планирования министерства интеграции, подготовленному совместно с Центральным статистическим бюро и

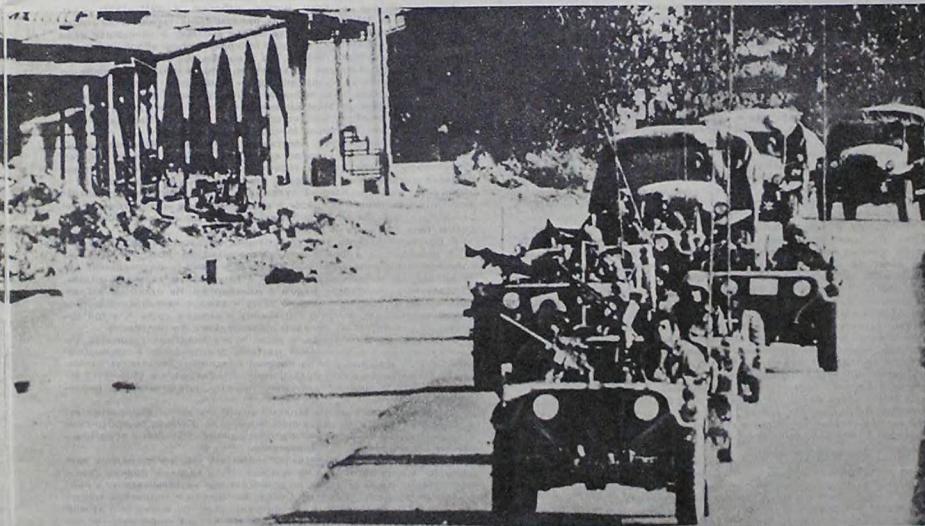
Еврейским агентством, за период с 1969 по 1978 год, после одного года пребывания в Израиле эмигрировало обратно два процента приехавших евреев, после трех лет — двенадцать процентов. Что касается иммиграции из Западной Европы и США, то возвращаются обратно 32 процента, 250 тысяч евреев из США и Канады, в том числе из Израиля, вернувшись. Герман Браннер, приехавший из Советского Союза, писал в «Джерузальем» поэма в октябре 1979 года о том, что тысячи писем посыпаются сионистами в Россию. Но если бы каждый получивший отклинулся на них и приехал, то он сразу бы принял решение «уехать при первой же возможности».

С треском провалилась сионистская кампания по возвращению в Израиль евреев прикомандированных, синии для них на 60 процентов платят за жилье и администрации та, кто сбежал от воинской службы, если они прибудут в Израиль до 30 апреля 1980 года. Не хотят евреи, выходцы из других стран, жить на «земле обетованной». Они там люди второго и третьего сорта. Даже евреи ашкеназы, наиболее привилегированная часть, стремятся покинуть Израиль, писал в журнале «Палестин». Яков Сельцер, осевший в Австралии.

Беспредметные надругательства над религиозными и национальными чувствами палестинцев и других арабов вызывают гнев и возмущение у всех людей доброй воли. Вот почему день ото дня растут и крепнут узы солидарности других народов с Организацией освобождения Палестины. Вот почему бегут из Израиля и не хотят ехать туда евреи из других стран, не желая быть пушечным мясом для сионистов.

Бегут.

Израильская военщина на улицах Эль-Халила, города, где проходят массовые выступления арабских жителей, протестующих против пронзивших оккупационных властей.

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ

Г. ШЕРБАКОВА

«...Выставка Яковлева настоящее событие. В целом же это удивительная сокровищница как в научном, так и в художественном смысле». Так писал замечательный научный-искусствовед и художник Александр Николаевич Бенуа о талантливом русском мастере Александре Евгеньевиче Яковлеве, чьем творчестве сейчас почти незвестно, хотя в русской живописи первых двух десятилетий XX века он занимал заметное место.

Картинное развитие русского изобразительного искусства начала века необычайно многообразна и противоречива: передвижники, искусство Академии, группа «Мир искусства», в выставках которой принимали участие молодые художники. Одновременно возникает множество возможных формалистических группировок, крохотно боровшихся друг с другом и так же быстро исчезавших.

Поиски искусства нового стиля, которое было бы основано на преемственности классических традиций высокого Возрождения и вместе с тем широко отражало идеи современности, стали основой течения, возникшего в стенах Академии и получившего название «неоакадемизма». Среди художников этого направления ярким, талантливым был Александр Яковлев.

В Русском музее хранится около двухсот его рисунков и набросков, выполненных сангиною или углем, относящихся к тому периоду. Художник Василий Шухаев, большой друг Яковлева, учиившийся вместе с ним, вспоминал, что любымным из развлечений было до начала занятий в Академии, пока ученики рассаживались перед мольбертами, сделать рисунок натуралисту, причем рисунок точный.

Уже в раннем творчестве живописца огромное место занимал портрет. Именно здесь проявился его стремление к созданию искусства большого стиля. Наиболее интересными произведениями этой серии являются два портрета Б. Г. Казарзова — актёры, выступавшие с панасионским танцем и романсами в Старицком театре. Первый, более ранний, находится в Третьяковской галерее. Он написан в 1914 году, когда Казарзов был в апогее славы. Художник с замечательным мастерством создал исполненный чистоты и задушевности, глубокой искренности образ актёра. Плавные и красивые контуры фигуры, веское ласковое выражение лица, — всё это овеяно поэзией. Это один из наиболее выразительных и лирических портретов работы молодого Яковлева. Второе полотно, написанное годом спустя, — романтик И. Кундин как бы рассказывает о судьбе своей героя. С бесцеремонной тщательностью прорисованы линии усталого лица, набухшие мешки под глазами, опустившиеся складки губ, глубокие морщины на лбу. Самое выразительное в портрете — глаза, в них грусть, нежность и какая-то холоданость, отчуждённость.

В Третьяковской галерее есть автопортрет мастера, относящийся примерно к 1912—1913 годам. Он изобразил себя в момент работы. До мельчайших подробностей передана обстановка мастерской, которая рассказывает о привычках и вкусах хозяина. В лице живописца — пристальное внимание к изображаемому, желание донести до зрителя со скрупулезной точностью все детали. В этом холсте поражает безу-коризненность в передаче формы, четкость и острота рисунка.

Одно из ранних произведений — портрет мексиканского художника Роберто Монтигено находятся в Русском музее. Он написан во время поездки Яковлева в Испанию пенсионером Академии. В этом полотне наиболее ярко выразилось стремление к созданию монументального

интересна и написанная как отчет о поездке в Италию картина «Скалистые горы» также хранящаяся в Русском музее. При первом же взгляде на полотно воспринимаются образы мастеров раннего Возрождения, чье искусство ощущало сильное влияние на формирование молодого художника. Это ощущается в композиции, цветовом решении, в нарочито плоскостном изображении форм.

Молодой живописец привлек к себе внимание современников. Одним из первых ударов и привлекающих факторов был Александр Бенуа. Будучи человеком большой культуры, он с присущим ему интересом следил за всеми звеньями художественной жизни. России того времени, немедленно откликался на каждое новое, интересное проявление настоящего таланта. В 1916 году в статье «А. Яковлев» Бенуа писал: «Можно как угодно относиться к Яковлеву, можно любить или не любить его творчество, но в одном нельзя сомневаться, а именно в том, что это феномен!». И далее, подробно рассматривая творческую панораму художника, критик пишет, что он представляет собой настоящую главу в истории искусства, а его произведения «являют собой превосходное мастерство, феноменально точно, верно и метко решенное».

зведен. Летом 1917 года Академия художеств посыпает Яковлева как одного из способнейших молодых живописцев в поездку по странам Азии. Художник с огромным интересом возвращается с бытом, обычаями даевых и малоизвестных тогда стран, научив последние древнейших культур, делая интересные этнографические наблюдения. Все это затяпачально, многочисленные эскизы — это просто энциклопедия.

Возрадившись из Азии Яковлев возвращался в Петербург. Задолго

рее Бербазанж была устроена выставка его работ, принесшая большой успех русскому живописцу.

1924 году живописец едет с экспедицией в Центральную Африку как художник и этнограф. Из поездки он привозит обширный цикл — около 300 картин и рисунков, рассказывающих о природе Африки, о жизни и быте немызгаемых в то время племен, создав тем самым галерею образов красивых, полных достоинства людей. Некоторые произведения, сделанные во время этого путешествия, опубликованы на нашей цветной вкладке.

изображения пронизаны гуманностью и любовью к человеку. Яковлев был первым русским художником, стремившимся постичь душу африканского народа и с большой теплотой отразить ее в своих работах.

Портрет Магеммы, начальника воинов султана Маради, — одно из наиболее красочных произведений этого цикла. Голая, выжженная палящими лучами солнца желто-белая земля Сахары, ярко-голубое небо. И среди этого пейзажа прямо перед нами неожиданно возникает

ет колоритная фигура военачальника в роскошном темно-синем одеянии, украшенном богатым узором, с алым тюрбаном на голове. Несколько удлиненных пропорций придают облику большую монументальность. В спокойном жесте переплетенных пальцев, в уверенной постановке фигуры — чувство сознания собственного достоинства. На втором плане — сам султан верхом на лошади, в окружении свиты.

Великолепно выполнен портрет вождя племени. Художник создает образ, поражающий своей силой, мужественностью, большой внутренней динамикой. Лиричен пейзаж африканской деревни, в нем есть элемент сказочности, навеянный, возможно, пейзажами мастеров Возрождения.

«Женщина М'гого с ребёнком» — проникновнейшее произведение этого цикла. Главная тема материства передана с удивительной теплотой и задушевностью. Высокое профессиональное мастерство автора сказывается в блестящей построенной композиции портрета, безупречной рисунке. «Воины Джеральд напоминают скорее африканские сказания, поражая своей необычайной мощью, красотой kostюмов. Можно лишь благодарить художника за то, что он показал нам Африку, столь беллетристическую и романтичную, ее необычный и прекрасный мир».

Листая африканский альбом, трудно выбрать наиболее интересные работы, каждая привлекает по-своему. Но главное — в них есть душа художника, его живой интерес к народам этого района. Помимо большой этнографической ценности африканских рисунков Яковлева, их отличают высокие художественные достоинства.

Во второй пад в Азии мастер работает с 1931—1932, гораздо

Сведения о творчестве Александра Евгеньевича Яковлева весьма скучны. Известно лишь, что он всю жизнь много и упорно работал, постоянно искал новые пути. Монументальный характер его искусства сказался в увлечении фресковой живописью — так претворилось в изысканном страстном преклонении художника перед искусством Возрождения. Он сделал много росписей в общественных и жилых зданиях Павлова. Известно, что он расписал концертный зал на тему пушкинских сказок, переделанных для музыки.

В основном Яковлев жил во Франции, но несколько лет провел в

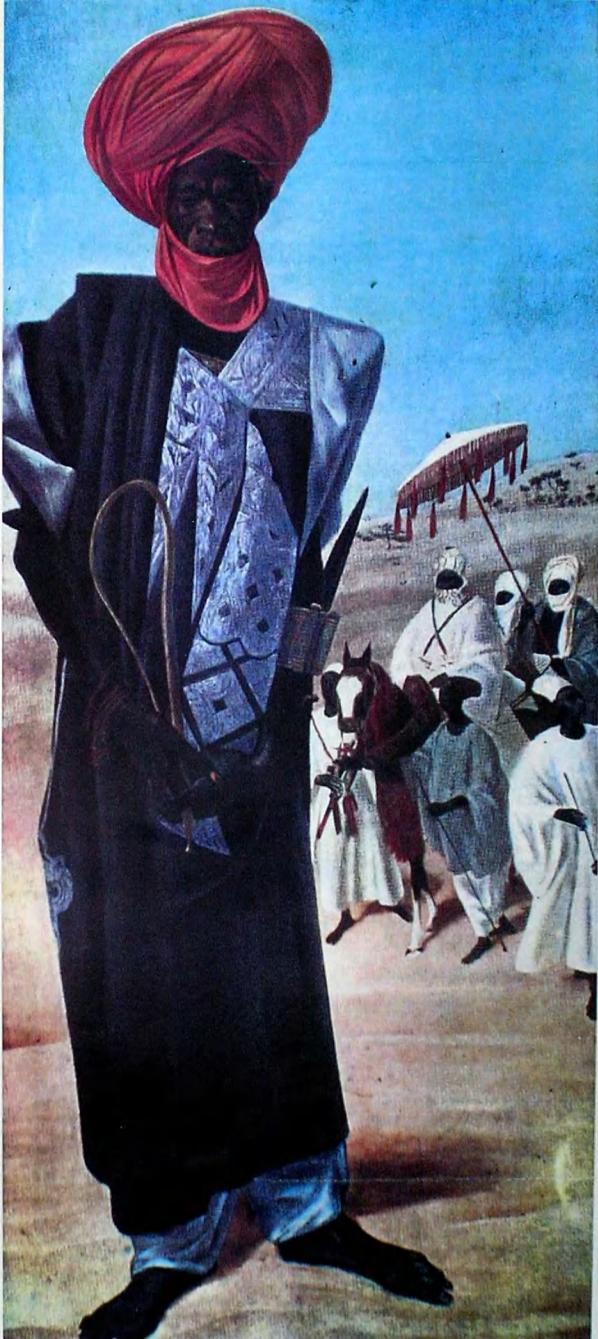
США, преподавая в Бостонской школе изящных искусств. Одни из современников вспоминали: «Он выступал в каких-то американских Нью-Йоркских боскерах, на глазах у всех зрителей в натуральную величину модель, поставленную на эстраду рядом с мольбертом. На отличном английском языке он объяснял каждую точку и каждое направление форм и человеческого тела, каждую его мышцу и каждую кость. И в три пронзительных слова он глазах у всех являлся произведением бесподобного».

В 1928 году в Ленинграде, в залах музея Академии художеств, про-

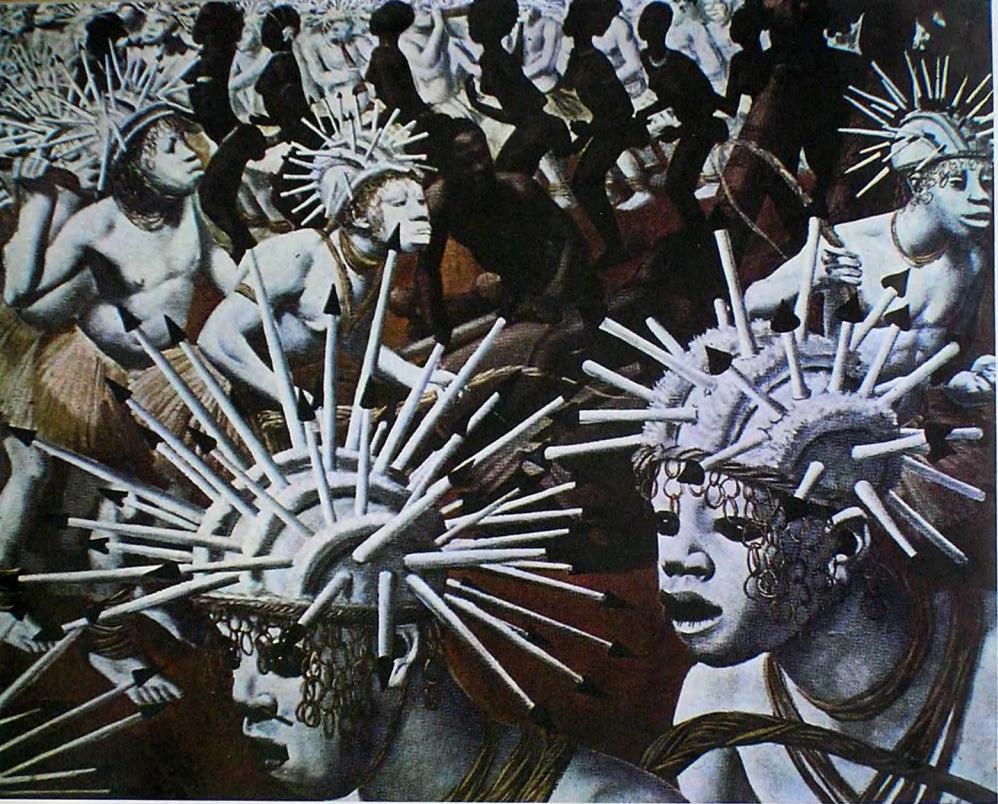
Думается, что сейчас необходимо вспомнить этого талантливого ху-
дожника, чьи работы, как и работы его коллег, неизвестны широкому чи-
тателю.

Думается, что сейчас необходимо вспомнить этого талантливого художника, чье искусство зародилось и выросло в стенах петербургской Академии художеств под руководством одного из лучших и образованных педагогов — Д. Н. Карадосского.

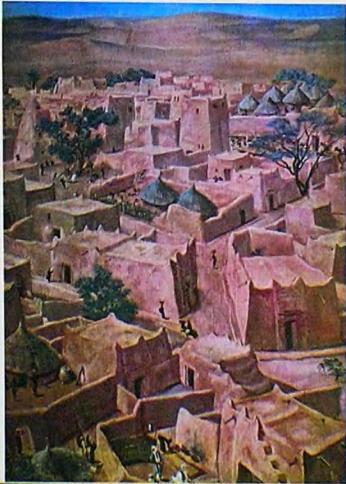
— что последние двадцать лет жизни он провел на чужбине. Но и вдали от Родины он не забывал о своем ворчеством, своем таланте он способствовал возрождению и пропагандированию русского искусства. Сейчас мы можем с гордостью вспомнить, что один из созданных им портретов еще при жизни былкуплен французским правительством для известнейшего в мире музея — для Лувра.

А. Яковлев. 1887—1938.
МАГЕММА, НАЧАЛЬНИК ВОИНОВ
СУЛТАНА МАРАДИ.

А. Яковлев. МАДАГАСКАРСКИЕ МУЗЫКАНТЫ.

ПЕЙЗАЖ.

ВОЖДЬ ПЛЕМЕНИ.

ЖДИТЕ ОТВЕТА

Надежда КОНДАКОВА

СТЕПЬ

Солончаковая, худая,
Голодная — Бетен-Дала,
Степь от хребтов Тарбагатая
К нам в Оренбургье приползла.

Верблюжий глаз и конский щавель,
Тынчак и сонники молочай
Киюю цветом обищали —
Кирпичны, как в панах чай.

И не считалось то обузой,
Что, выжиненная добела,
Дала полосата от арбузов,
Потшущо меченых, била.

И что отец, взрезая дынино,
Растягивую от тепла,
Губами сплизывал медянино,
Какая по рукам текла.

И наливался теплой рожью
И звезд вычищивая ход,
Киргиз-казацким бездорожьем
Шло лето долгое в поход.

Кочевые трав и звезд кочевые
Смыкались в грозную орду,
И открывался смысл дочерний
Сквозь венковую темноту,

И не звала верблюжко-риквой
Татарин яро зев, ревя,
И открывался смысл державы
Под кочевым шатром степей.

КОЧЕВЬЕ

Шли на север усталые, потом пропахшие
коими,
И разило мочой, и кумысом, и теплым
степным попынком.
И в ордынской земле, на какой-то вонючей
полоне
Тебя бабка вскоришила кобыльим парным
молоком.

Ты из пленя ушла, и погоня сулила
несчастье,
Звезды падали остро, насквозь прожигая
траву.
А потом синеглазому русому парни
на счастье
Сына ты подарила. И снова ушла в синеву.

Босоногое поле подсолнух, как лилья,
качало.
Зерна жались друг к другу, и ветер,
как чабер, горчил.
И ты вновь родилась. Над тобою
пространство кричало,
И на белой весеннеи березе кричали грани.

Ты жила на земле, где не слышно проходят
столетья,
Где века, как верблюды, идут по земле
тяжело,
Где у белого света на белом немыслимом
свете
Черным бархатом древних сказаний
подибо крыло.
Но однажды ты вспомнила давние
этн сказания:
Низкорослые кони, курдюк с голубым
молоком...
И запахло польностью в заснеженной зимней
Рязани,
И скулство солнце взошло на лице
молодом.

Ты улыбки такой в этом веке еще
не встречала!
Дух большого кочевья бродил в тебе,
словно вино.
Степь кошму вам стелила, степь стылье
звезды качала.
Ты горючи от любви, но из пленя сбежишь
все равно...

ЖЕЛЕЗНЫЕ ПУТИ

Дикорка в ковыльях и травах
Почти нынешними цветами,
Лежит большая перерава
Меж двух великих городов.

И ровно в три на полустонке,
А где, сам черт разберет,
Двух тепловозов перебранка
Нам спать спокойно не дает.

И подгнивающие кем-то
В предутреннюю синеву,
Одни везут людей к Чимкенту,
Другой уходит на Москву.

Людское шумное кочевье,
Двадцатый век, большой вокзал!
И наши встречи тем плачевней,
Что их разлуки сказали.

Но мы не верим той разлуке,
Той душной жизни взлете,
Покуда есть сердца и руки
И есть железные пути.

Покуда где-то поле пашут
И кричат, кричату!
По всем землям родимой нашей
Детей рожают и плюют.

Тамбовский волк, прославленный
в присловье,
Выходит в чисто поле волковать.

И две звезды дрожат у изголовья,
И нам под ними надо лежать —
Вот здесь, в Тамбовской области.
На свете
На белом, на безжалостном ветру...
Когда умру, забуду все, но эти
Шалые звезды прямо к юру,
Над белою светящейся березой,
Над черной ночного тишины,
Над звездами, как и мы, —
Останутся. И, может быть, иной
Какой-то жизни тайна примета
В них есть уже, и так пугает нас
В тамбовской черной ночи: скорость света
От жажды звезд до жажды волчих глаз.

Бывает — такое огромное небо
Встает над тобою, синяя, синя,
И в землю влюбляешься жадно и слепо,
И любишь ее до последнего края.

До белой, от слез покинувшей березы
На старом, прадедском русском погосте.
И знаешь, что се — не последние слезы,
Что ты сюда тоже приедешь не в гости.

Бывает — такое огромное чувство,
А сердце (так мало!) его не вмещает.
Но знаешь, что поле пустое — не пусто,
Вовеки веков оно не обниньет.

И будет земля. И останется небо.
И белого света мгновения — слезы —
От жизни, что жарко любил ты и слепо,
До смерти. Под корнем родимой березы.

В доме пустом, нежилом, как планета,
Трубку сниму я и диск поверну.
— Ждите ответа...
Ждите ответа...
Голос ворвается, как крик, в тишину.

Ждите ответа от ваших любимых,
От голосов, из печалей лепимых
Синего лета и белого света.
Ждите ответа.
Ждите ответа.

Ждите ответа от старых пророчеств,
Кому-нибудь близких двух одиночеств,
От разрыва и от запрета
Ждите ответа.
Ждите ответа.

Голос из бездынь! Да мыслимо ли это!
Так побираешься у ничего света,
Жизнь принимать, как заглядывать в Лету:
— Ждите ответа...
Ждите ответа...

Высоко над Волгой вознесся Монумент воинской славы.

На знамени Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики три правительственные награды: ордена Ленина, Октябрьской Революции и Дружбы народов. Наш репортаж о сегодняшнем дне республики.

Постигая тайны электроэнергетики. Студенты Чувашского государственного университета на кафедре электроснабжения.

СОВЕТСКОЙ ЧУВАШИИ — 60 ЛЕТ

Виталий ЗАСЕЕВ,
фото А. БОЧИНИНА,
специальные
корреспонденты «Огонька»

ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА

Моему собеседнику, Василию Тимофеевичу Подольникову уже перевалило за... сто, но у него крепкое, рукотяжное, хорошая память, и он вспоминает многое, повидавшего на земле.

Подольников — старожил Чувашии. Сынщины тридцать лет труждился он в службе статистики.

По старой памяти, что подтверждается ветеранами и спикерами, вспоминают рассказ. Дареволюции было в Чебоксарах около тридцати церквей и часовен, примитивный кожевенный заводик, лесописка, три маломощных кирпичных цеха и завод по производству водки. Годы, прошедшие с тех пор, совсем немного. В общем, этнический, но картины городка (так назывался Чебоксары) Тара Шевченко, побывавший здесь,

дятся без издельй Чебоксарского электропаркетного завода — с гордостью говорит Подъемников. Кстати, и в Московском метрополитене используются наши электроприборы и в Кремлевском Дворце съездов! Нам, старожилам, особенно заметны изменения, происшедшие в Чувашии за годы Советской власти.

ЭСТАФЕТА ПОКОЛЕНИЙ

Секретаря парткома Чебоксарского электролизерного завода Валентин Михайлович Крамаренко тоже с большим уважением относится к статистике, хотя и считает, что одной статистики мало для рассказа о подвиге многотысячного коллектива ЧЭЗ, награжденного орденами Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции.

— Только публицист способен отразить дух времени,— убежденно говорит В. Крамаренко и протягивает мне объемистый сборник историй завода. Один из главных ее героев — Николай Александрович Королев, кадровый питерский рабочий, мастер — золотые руки. По призыву партии поехал он в Чекословакию, чтобы передать здесь свой опыт высококвалифицированного инструментальщика.

— Поехал лет на пять, а вскоре 100-летний юбилей работы в этом цеху отпраздную, — смеется Королев. — Чувашия стала для меня второй родиной, а мои ученики — сыновьями.

Немало первоклассных инстру-

высо

проездом из ссылки.— В. З.) открывалась взору зажегшего человека. Трудно было Советской власти поднимать нашу республику. Вот взгляните на этот документ,— Василий Тимофеевич протягивает выписку из отчета Сонярхоза Чувашской автономной области за 1921 год,— и вдумайтесь в приведенные цифры, а затем сравните их с нынешними достижениями.

Отчет тогдашнего совнархоза констатировал, что за восемь месяцев в Чувашии было произведено около 700 тысяч пар лаптей, 140 штук сennых вил, 240 граблей, 2260 зубьев к боронам, 2093 ведра, а также деревянные лопаты, ложки, веретена.

— А вот сегодняшний день — рассказники, — продолжает Подъельников, показывая фотоальбом, выпущенный недавно. Черно-белые и цветные снимки созданы яркую фотопленку, достичем Чувашии за годы Советской власти. Здесь, сегодня выпускаются известны на всю страну бесценные ткацкие станки, тракторы, вагоны и электропогрузчики, стиральные машины и электрические аппараты, бумага, ткани. Да разве все перечислишь?

— А знаете ли вы, что ни одна отрасль народного хозяйства страны, ни одна крупная новостройка, ни одна электростанция не обходится без кадров из Узбекистана?

ментальщиков подготовили Корлев. Но раз его воспитанники становились передателями республиканской культуры, конфуцианской философии, «декадентской» фольклорной традиции, уводившиеся высокими правительственными наградами. Так, один из его первых воспитанников, чуваши Анатолий Краснов, который вначале не знал, с какой стороны венчала флаг Франции, стал впоследствии орденоносцем — Ленин и «Знак Почета». А ученик Краснова Игорь Тришин за самоотверженную работу награжден орденом Трудового Красного Знамени. Известный писатель и поэт, член Союза писателей СССР, Игорь Тришин, Ташкентская «Заря» передает из поколения в поколение.

Когда на заводские торжества вместе собираются ученики Королева, в зале от блеска их орденов и медалей становится светлее. Солнечной искоркой на лацкане пиджака самого Николая Александровича Королева поблескивает Звезда Героя Социалистического Труда.

К ЗЕМЛЕ НИЖЕ —
К ХЛЕБУ БЛИЖЕ

«Чуваш одной ногой стоит в
плюльке, другой — в борозде», —
гласит старая народная поговорка.

как. Именно так начиналась жизнь Исаакия Кошкина, председатель колхоза «Правда» Бурнгарского района.

Родившись в беднейшей крестьянской семье, мальчик почти не видел своего отца, который с утра до поздней ночи гнал спицу на кулака-богатыря. Рано начались и трудовая жизнь будущего председателя. Уже в советские времена И. Кошкин работал в колхозе «Правда». Свой специальностью и ушёл на войну. Отозвавшись, вернулся в родной колхоз, стал бригадиром полеводов, а вскоре и председателем колхоза. Было это 33 года назад. С тех пор Исаак Федорович Кошкин не бывал председателем колхоза «Правда», однако из самых передовых в республике. Три зерна Ленина украшали его грудь.

—Давайте объединимся нас с отставшими колхозами,—рассказывает председатель.—Оба раза краину превращали за счет повышения производительности труда, увеличения отдачи полей и ферм.

Как человек крестьянского корня, Кошкин скуч на речи. Однако, дав слово, сдержит его во что бы то ни стало.

Накануне во время летних полевых работ услыхал председатель разговор семилакинских местной школы о планах на будущее. Все они без исключения собирались после окончания учебы поехать в город. Причина была одна: скучно, мол, в колхозе, нет даже свое-дом культуры.

Сегодня в колхозе два Дома культуры, в каждом селе современный магазин. Заканчивается

строили чуваша раньше свои дороги. С каждым днем дорога все дальше и дальше уходила от дома, приближалась к незнакомому и шумному городу. И однажды настал день, когда Исаак вернулся с отставкой. Попал учеником в городскую школу. Жизнь не баловала его. Просошел он и трудным дорогами солдата и не менее трудными дорогами комсомольского, потом партийного работника. Но никогда не забывал Илья Павлович Прокопьев, первый секретарь Чувашского областного комитета партии, той необычной для тогдашней поры плавущей лесом дороги, которая вывела его в жизнь.

—Вместе со всеми страной шли мы к нашим сегодняшним достижениям,—говорит секретарь обкома,—и вряд ли чего-нибудь сумели бы добиться если бы повсевременно не помогали нашего брата величного русского народа. С победой Октября над Чувашей, можно сказать, взошло солнце. Люди потянулись к знаниям, к свету. Сегодня по числу студентов на десять тысяч жителей Чувашии далеко опережают такие капиталистические державы, как Англия, Франция, Италия, ГРГ, Япония. А ведь еще в начале века на каких-то пять чувашских детей четверо оставались за погор школы.

Примечательно,—продолжает И. Прокопьев,—что неоценимый вклад в просвещение чувашского народа внес отец Ленина Илья Николаевич Ульянов, усыновленный второго для чувашей было открыто много школ. А свое становление республика начинала с прове-

дения в жизнь одного из первых ленинских декретов — Декрета о ликвидации неграмотности среди взрослого населения.

Сегодня тоже Чебоксары в числе ведущих учебных заведений. Одно из них, Чувашский государственный университет, носит имя Ильи Николаевича Ульянова. Его ректором многие годы является доктор технических наук, профессор Семен Федорович Сайкин.

Однажды в заседании краинского парламента привился Сайкин отвечать на многочисленные вопросы своих зарубежных коллег, интересовавшихся жизнью Советской Чувашии. После подробного рассказа о республике кто-то из сидевших в зале обратился к профессору с просьбой назвать имя на трех известных чувашиях: писателя, ученого Сайкина, задумавшего на них, как тот же человек, манерно извинившись, заявил во всеукраинском, что если ученый из Чувашии затрудняется с ответом, то он снимает свой вопрос. Зал по-своему отреагировал на создавшуюся ситуацию. Судя по реакции, было среди присутствующих и некоторые, кто считал, что советский ученый загнал вопросом в тупик. Сайкин спокойно передал, пока уляжется оживление, и с улыбкой ответил: «Автор вопроса даже не представляет, в сколькое трудное положение поставил меня, изо огромного числа знаменитых на весь мир чувашских ученых спокойно выбрав три. Но конечно, второе речь зашла именно об этой цифре, позволив напомнить вам имена известной всему миру балерин, солистки

Столетний житель Чебоксар В. С. Тимофеевич Подзельянов со своим внуком Андреем.

Большого театра Союза ССР Надежды Павловой, выдающегося ученого, профессора А. Изотова, который измерил и уточнил объем и площадь планеты Земля, и, конечно же, человека, одним из первых исследовавшего Землю, летчика-космонавта СССР, дважды Героя Советского Союза Андрия Николаева.

Томившийся тишиной зал разразился аплодисментами...

КАЯ СУДЬБА

строительство детского сада. Так что проблем с кадрами больше нет. Молодежь остается в селе.

Все республику снабжают колхоз «Правда» молоком, сливками, яйцами. Все — председатель, и спешащие, и полеводы — крепко усвоили секрет: чтобы быть к хлебу ближе, нужно быть к земле ниж.

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

Я хорошо представляю себе, как скрипит и подрагивает на ухабах старая телега, как худенький мальчишка, прижавшийся к теплой спине отца, широко раскрытыми глазами смотрит на улыбающуюся вдаль лес серебристую, как вода в плавнике, реку, как ветер, речушку и уютные дымковы крыши. Сегодня опять чуть свет вместе с братом отправился он помогать старшим строить дорогу. И хотя Ильюша мал и ростом и годами, он вполне успевает и опилки убирать, и нутрии из сараев подношить, и даже подправлять в межу уладки нагретые солнцем и пылью сосновые кругляши. А потом с удовольствием скакает на одной ноге по круглым спилам, образующим русло дороги: распилывая стволы деревьев на одинаковые по диаметру куски и ставя их на попа один к другому,

На родных просторах. Молочное стадо — предмет особых забот председателя колхоза И. Ф. Кошкина.

СВЕТ ТВАРДО

Евгений ОСЕТРОВ

Самые разные люди обращаются к «Теркину» Александра Твардского, как к «ненавистляемому источнику народного духовного здоровья». Бывший солдат, помицкий смоленские болота и переправы, через Днепр — где-нибудь под Радужной аркой, спасший землянку книгу, воскликнет, как читал в молодые годы во фронтовой «Красноармейской правде» незабываемые главы. Пытливый подросток, жаждущий узнать все, как было на передовой в самом деле, особенно восхищается «Теркинами» вспоминая батальные сцен и борьбу, этические лозы: «Чтобы слова власты, удары, хорошо в левую быть». Молодые люди постигают по «Теркину» непринужденную и естественную красоту разговорной народной речи и ее плавный лад: я — любитель жизни, я — воин на войне, я — соринка, я — погиб, я — умрет.

«Василий Теркин» по своей популярности в народе смело соперничает с самыми прославленными и незабываемыми в библиотеках детьми.

Иван Бунин, прочитав «Теркина», написал давнему собрату по перу Телешеву: «Это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удача, какая меткость, точность, во всем и какая необыкновенная, народная, солдатская язкость! Ни сучка ни задоринки, ни единого фразевика, готового, то есть литературно-пошлого словаря...»

Возникновению гетеевского «Фауста» предшествовало бытование народных сказок, легенд, мифов.

«Теркин» — солдатская фронтовая легенда, созданная народом, наставившая во фронтовых газетных листах фельетонистов. В отголосках сказок читатель любил кочующих литературных героя-удальцов. Отсюда бесчисленные «Сынки-сыночки», «Штыкчики» и несть числа. Мильончики даже в газете рассказы о новых покорениях Швейка, смеялись над ними от души. Неумыльные победители нравились, но в памяти надолго удерживались. Стrophи же в «Теркине» звучат так, слов-

но они только что вышли из-под пера, нет, сорвались с уст:

Мне не надо, братцы, ордена,
Мне славы не нужна,
А нужна, больше мне Родина,
Родина сторона!

Существует великая тайна художественности, которую по-своему разгадывает каждое новое поколение.

«Теркин» не исчерпывается темой войны в творчестве Твардского. Год от года я все больше люблю, постоянно читаю и перечитываю лирико-эпического стихотворение «Я» (битва дядко Ржевом). Познание творчества Твардского — своеобразный, монолог тех, кто не пришел с войны. Невозможно назвать лирического героя Твардского упсилом. Он выглядит «живее всех живых» и пронзает сурвые слова, обнаруживающие сильное чувство и грандиозную духовную мощь. С самого начала смысловая мозаика становится убедительной. Автор передает подлинность войны словами, бытавшими среди фронтовиков, — в латвии, роте, на левом...», «Ни петлички, ни лычки...», «Как на тебе ручьи...». Обычное вспоминание роты сразу сминает опасность, заставляющую спасаться, что, исколесив из-под земли мог бы восприниматься как «высокий стиль», торжественная торжества. Обращение погибшего к нам, живым, исполнено ягучим интересом к солнечной, зеленой, будничной жизни, и условность лирического языка сразу исчезает и отступает. Читатель понимает многозначный смысл простых слов: «Я — где корни склоняются ищут коря ветвей; я — где с облаком пыли ходят рожь на холме; я — где крик петушиной на заре и рече...»

Эпическое жизненное заключение в здравом смысле обработок речи. Чтобы во всей полноте почувствовать полнокровное счастье бытия, надо, видимо, было воспеть себя умершим.

Трепетный интерес Ушедшего

солдата к ратным делам обоснован поэтом художественно. Ведь

все вопросы о положении на Среднем фронте в Волге подводят читателя к мысли о войне, почтенно, погибшие расстались с прекрасным и яростным миром.

Поэтическая мысль проста, но она

предельно кратка и точно указывает на причину, заставившую по-

звать вспоминать самим драмати- на-

зование — жизнью!

И у мертвых, безгласных,

Мы отрада одна...

Но он — спасен.

Сила тревожного чувства, выра- жаемого поэтом, так превышает привычную степень воздействия, производимого на нас стихиями, что нет никакой нужды и желания обострять внимание на подчеркнутую в «Я» (битва дядко Ржевом). Пронзительное это, заключающее в себе изысканную мысль поэта, скорбные и мужественные мелодии, изобилующие внезапными смысловыми переборами, могли бы послужить темой для музыкального творе-

ния, имеющего глубокий фильтра-

ционный, заслуживающий

занятий знатоков поэзии.

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

обострять внимание на подчерк-

нутую в «Я» (битва дядко Ржевом).

Сила тревожного чувства, выра-

жаемого поэтом, так превышает

привычную степень воздействия,

производимого на нас стихиями,

что нет никакой нужды и желания

ВСКОГО

люди, возвращающие электрическую
станцию у реки, в своих санках
склоняясь к земле, в своих хватах
держащие творчества. Позы
замечает не за работу —
характерная примета послевоен-
ного времени! — занят «эасческий»
люд, но особенно женский; до-
вольно разнообразные орудия тру-
да: трактор и тачки, лом и пыль-
цы, все это висит на плечах. Чиги-
ры, сарафаны, юбки, воротники
василька, дружной, удалой строкой
тканей, их боямки, исполненные
внутреннего достоинства разгово-
ром: «Лихи копаюте! — Так и

— слово, я бы сказал, более тонкое, более горестное, более эмоциональное и точнее других выражавшее то настроение, в котором находилась мать. Это слово он нашел».

Вдумаемся в ставшее таким прыщевым называние — *Дом у додо*. Додо — это, скажем, притягательный предмет поэзии автора «*Теремка*», сына сельского кузнечика, уроженца смоленской земли. Додо и дорога — два величайших, онтологоплагатых состояния человека, статика и динамика жизни. Для героя родовое гнездо неотрывно от мира и покоя. На дороге же — все ветры в лицо, окружающее — находится во взрывающейся состоянии. Додо — герой, пришедший из войны. Отсюда и генетическая позитивистская формула, надменно посвящавшаяся на народном основании: «*Киска, кося, пока роса, роса до-додо — и мы дома!*».

Привычный путь, который характерен для большинства поэтов, от лирических излияний — естественный в юности — к эпическому и философско-художественному

постником жизни в зрелом возрасте. Твардовский же начал свой литературный путь с эпических поэм, посвященных самым широким картинам народной жизни в ее движении, в ее свершениях, противоречиях, горестях и праздниках. Образы, привлекавшие Твардовского, были в основном чертами эпических героев, Муза создателя «Страны. Муравий» не знала любовной лирики, слишком много было других забот. Наша критика неоднократно сопоставляла Терпкина то с Тилем Уленштейлем, то с неутомимым пустыннественником античности Одиссеем.

сем. Все последние годы своей жизни Твардовский неустанно трудился над воссозданием образа нашего современника. Эпичность — главная особенность Твардовского.

Книга «из лирики этих лет», созданная в шестидесятых годах, не завершила творческий путь поэта — он писал и позднее, — но, во всяком случае, она, эта книга, венчала большой литературный путь. Честно, правдиво, взволнованно говорил поэт о том, чем жил весь народ. Художественный рассказ о судьбе страны и судьбе человека в словах, которые «ягут, как пластина, что святят вдаль и вглубь, — до дна»...

В программном стихотворении «Слово о словах» поэт спокойно, неусыпно, с большими душевными

достоинством, обращаясь к родной земле, сказал, что он скрупульно проверял свои слова «к делам твоим». Как клятву поэт произнес на похвалу родному слову, которое, по его мнению, «не звук окостенелый, не просто некий матерьял, — нет, слово — это тоже дело, как Ленин часто повторял».

Мы видим, что образы, рожденные творчеством А. Толстого, между тем что лично проявляется в его творчестве, сложившимися представлениями о поэзии и поэзии с начальными шагами творчества. Первыми строками были написаны в пору, когда в полном ходу были представления, называемые романтической книжностью. Образом для Твардовского был простой, честный, спокойный и добрый Иллаковский, чьи песенные слова стали на всеобщем одобрении и общепризнанным художественным достоянием.

Мы редко обращаем внимание на расположение стихов в сборниках, между тем композиция — это самое главное в поэзии. В этом смысле интересны прижизненные сборники Твердохлова, они многое говорят о поэте. В 1946 году издательство «Московский рабочий» выпустило сборник Твердохлова, носящий общий название «Дом у реки». В текстах трех разделов, обрамленных на типовом листе: «Дом у дороги. Лирическая хроника, «О Родине и «Стихи из записной книжки». Первая строфа, открывавшая сборник, сообщает нам:

Я начал песню в трудный год,
Когда зимой студеной
Война стояла у ворот
Столицы осажденной.

Итак, перед нами — сорок первый. Тогда и началась песня. В конце сборника — стихотворение, носящее название «В час миража» — звучит ликующим гимном:

Все в мире сущие народы,
Благословите светлый час!
Отгрохотали эти годы,
Что на земле застигли нас.

Еще теплы стволы орудий,
И кровь не всю впитал песок,
Но мир настал. Вздохните, люди,
Переступив войны порог.

Да, верить можно, верить нужно,
Что правда есть,— на том стоим;
И что добро не безоружно:
Зло на коленях перед ним.

В центре же книги — стихотворение «Кремль зимней ночью», отмеченное историческим взглядом на Былое и современность. Как уместно трехчастное деление книги, соответствующее ее содержанию, несущее в себе «внутренний свет» смысла! Перед нами «книжка небольшая», которая действительно «томов премногих тяжелей».

Приезжая во Владимир, иду на знаменитый откос, откуда виден простор над Клязьмой и богатые тираские муромские леса. Здесь в послевоенные годы Твардовский не раз любовался живописным видом окрестностей.

Проходя Неглинной, я ловлю себя на мысли: вот здесь, на углу Пушечной, в последний раз встретил Александра Трифоновича,— печать усталости лежала на его лице.

создателя «Теркина» принадлежит к постоянно развивающимся явлениям духовной жизни. И каждое поколение произнесет о нем свое суждение.

«ВСЕ ЗАВИСИТ
ОТ САМОГО СЕБЯ...»

Есть такая русская народная пословица: «Где родился, там и сгодится». Дед Евсей из рассказа Алексея Менькова «Накануне осени» смысл этой пословицы вкладывает в слова, обращенные к молодому своему односельчанину, Сергею, который чутко, быстро, не перебором, городской жизнью, да и передумал, решил остаться в деревне и учиться заочно на агронома: «Ты ум родилъся, ты умъ и хозяиномъ долженъ быть».

Герой другого рассказа — «Непростое дело», деревенский паренек Федя, выучившийся в городе на электромонтажника, тоже решает вернуться в родную деревню, потому что у него «вся душа изболелась по своим родным полям и лугам». Но главное, он понял, что «всюду можно ходить и в пе-
редовых и в отстающих — все за-
висят от самого себя».

Симпатии автора явно на сторонах этих ребят, познавших жизнь не на пустом месте, постигших ее не на чистом листе, а в том, что складывается о них там, где родились. Были бы, например, неправильно утверждать, что в книге не описаны эти примеры в абсолютном. Позадом, сказали бы ему, а как же Лопасовы, а многими и многое про славлены в книге. Но ведь и некоторые государственные деятели... они не были бы гордостью нашей страны, если бы в свое время не покинули родные края. Все так, но Ломоносовы, Соловьевы, Струве и многое, и многое, уходят из деревни в тысячи. Дело экономистов социологов, решать в каких случаях, когда и как, люди уходят из деревни, годно ли это государству.

А. Менько не экономист и не социолог, он поэт («Накануне осени» — его первая книга прозы), у которого душа болит за выкорчеванный старый яблоневый сад, за деревенскую избу, которую «скосырнул» трактор, ему понятны печаль и беспокойство стариков, которые крепко приюсли и отчей земле и с грустью наблюдают, как легко понижают родные места

молодые, в поисках другой, не то чтобы легкой, но все же более привлекательной, хотя бы новизною, городской жизни.

ханомного богатства, но понима-
шага его горах, — ни что до-
ступнее этого для Народного
Союза, чтобы отомстить
нашиодившему гарпинии, отда-
вает его корынину яблоню: это и що
гер. Иван Григорьевич неспособ-
ен отомстить ни от помини соседям,
ни от ответственности. Встреча-
ются на страницах рассказов и
на других людях — честрвые и
правдивые, разнузданные, как встри-
пали они в жизни, но заслуга
автора в том, что, без называях
деклараций, опирясь на верных
историях, он, вынужденный
иметься простые и веичные исти-
ны, помогающие различить добру-

Н. БЕЛОВА

Алексей Меньков. Накануне осени. Тула. Приокское книжное изд-во. 230 стр.

в самом центре раздобыть свой бытимый лагерь. Для до ходого ло — и перед своим же жильцами приходилось гряду стоять. Да, нашлись такие, которые почувствовались себя узяланными. Вот ведь как, оказывается, бывает на белом свете — розу человек посадил и этим хвостом бродя бы унзэн.

Труда не показали — вырыли, стараясь не оголять корни, некоторые цепные ящики склонили вокруг корней, чтобы вместе с землей перенести.

Но что прошлось дальше... Пришла бойкая бабенка из домоуправления, сунула острый взгляд под ковер и сказала: «Самодельный изогородь, как она выразилась, под всем баллончиком-наса, под

— Два раза мыльную воду под
твои деревца солью — быстро за-
сухнти! — грозилась соседка, как и
Барсукова, женщина энергичная
и знающая всему на свете цену,
себе тоже цену знающая. А Юрка
побелел весь, бычок затоптал и
сказал негромко:

— Морду набью.

И надо же, конфликт был исчерпан, достаточно оказалось одного Юргинского предупреждения. Он и сейчас окапывает деревья, подрезает обломанные мальчишками ветки, и окна притуплены, пока не попадет вечером посыпка. Растут рощи, птицы в них поселились, и однажды в один день был заброшенный, когда-то что-то тащил, трап под березой несколько грибов — вот до чего дошло. И это на окраине новостройки, среди пустыней, строительного мусора, брошенных бетонных плит, зарытых батареек и водопроводных труб...

Дерево нашего детства... Наверное, есть такое понятие, наверное, каждый, припомнит свою родной дом, деревню, городскую улицу, ту первую тропинку, с которой начались жизненные двери, вспомнит и дерево, которое росло у дома, на калитке, рядом с забором, дерево, с которым связана воспоминания детства. Проходят годы, а оно стоит перед глазами, шумит на ветру, мокнет под дождем, торжественно и сияющее стоит в снегу все в ослепительном зине солнце. И, наверное, не будет большой ошибкой сказать, что дерево может составлять и частично выражать сущность и воспоминания, сущность дома, деревни, родных, которых нет уже...
«Дерево, нашего детства. Пони-

дерево нашего детства, поминаемое в памятных, высохших, рябых, из одного корня. Помню я осенне, пользование в альных листьях, и тут же вспоминается неблизкая дорога в школу, новые портфели с ломкой крышкой, запах учебников... А весной на самой заре вспоминали приколы скверни, снимали перепутанного котенка, были как-то полуоумные петухи, любили щелкать на клены и орать блаженно на всю округу... Сейчас из нескольких стволов остался один, но он стал толстым и громадным, будто вобрал в себя си-

лу и мощь несколко^и деревьев...
Вспоминается и пришедшее
когда-то в деревню. Старожилы
и старухи рассказывали не-
веселую историю. При застроек-
ке новых кварталов в небольшом го-
родке на окраине сущим чи-
тать улицу, и жители быв-
ших частных домиков представ-
ляли властям, что им не хватает
дома. Привыкши жить на
земле, трудиться на земле, хоро-
шо знающие, как пахнет весен-
няя коря дерева, как пахнет
зимой снега, как пахнет вет-
вей деревьев, они не хотели
шутить под ногами, не хотели осинисты...
Так вот, эти люди, покинув
дома, в которых жили
для своих домашки, взяли на пас-
мадь деревья. Кто вырыл
котлован, сюсни, кто цеплял кусы
земли к пропорам, и рассадил
акции деревьев, кто высадил

Труда не пожалели — вырыли, стараясь не оголять корни, некоторые целые ящики сколотили вокруг корней, чтобы вместе с землей перенести.

— что произошло дальше...
Пришла бойкая бабенка из домоуправления, окинула острый взгляд всю эту «командительность», как она выражалась, и, не дождавшись от меня никаких честных по- выдергиваний из головы, сказала им, что я, с чувством исполненного долга, отправляюсь доложить начальству о проказнице бдительности и усердии. Начальство одобрило, поскольку деревня, вини, лишилась постарше, нежели положено им быть при переделках, а кроме того, домоуправительница, вини, лишилась земельного участка деревенской администрации, одного погороды, одного возраста, плюс под линеичником, планировало выкрасить деревню известью, чтобы я, видите ли, явился...

ответить могу тем же, а тут ты
вроде заставляешь меня состы-
заться в пакостности. Я этого не
хочу и вынужден проглотить оби-
ду. Жить становится плохо, злы

ПО ФРОНТОВЫМ ДОРОГАМ

Еще не взошло солнце в то памятное утро 22 июня 1941 года, как пограничники и командиры десантных воинских подразделений с левобережного Прута сообщили в штаб 404-го стрелкового полка о том, что в нескольких местах немецкие войска прорываются на нашу территорию.

нты по тревоге и, быстро преодолев четыре километра, заняли огневой рубеж номер один на берегу Прута.

района, где размещались полки. В бой вступили артиллеристы и минометчики, советские воинские эскадроны, контрактные солдаты, отбрасывавшие гитлеровцев Прут. На медлунгисты поступали раненые, и Надя оказывала им первую помощь. Всю свою службу она провела на государственной границе, а потом пришла отступать.

Отступление Перевалчика через Вул в тридцати километрах северо-восточнее Николаева. На Барахма подошли непрерывным ожесточенным боем и в бомбёжкой противника Перевалчика, а также из номонитов, саперов, санитаров, лесных, артиллерийских, морских, бо-

оставшихся в живых бойцов со-
брали раненых, оказала им по-
мощь.

править и часто вст起来, и наый раз он с благодарностью говорит: «Жизнь» своей в образе Надея. А таких спасенных Надея среди нас, фронтовиков, не одна сотня. Памятная эмблема 1942-1945 годов. Помимо Краснодара Шашкин перевал в районе станции Крымской на Кубани. Проехавши дороги не было, только узенькая обледневшая тропка, да тараки сидят на ней — пропасть, да тараки сидят на ней — не видно. Эвакуировали раненых на

этого времени. 23 февраля 1943 года, в ХХV годовщину Советской Армии, 171-я стрелковая направилась на Малую землю. При закате солнца на военный корабль взошли десантники. Каждый был одет во все новое, чистое, механическое и металлическое броню. Каждый был выдан седмидневный сухой пакет, противогаз, автомат, гранаты. Медработники несли санитарные сумки с перевязочным материалом, медикаментами.

В два часа ночи корабль с потушенными огнями остановился у кругового и обрывистого берега. Но браг сразу же обнаружил десант. Начался сильный артиллерийский обстрел, вражеская эсминец сбросила осветительные бомбы. Невзирая ни на что, десант высадился. «Я», — вспоминает Надя Ткаченко, — с трудом взобралась на берег. Едва пришла в себя, начала вытаскивать тяжелые раненых воинов, спасать им нехорошую голову. Продолжими так и не успевшими

Надежда Тимофеевна, смирилась

The image shows the front cover of a book. The title '1941-1945' is at the top in large, bold, white letters. Below it is the subtitle 'ПЕТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ' in white. To the right is a black and white photograph of a Soviet war memorial statue, showing a soldier carrying a wounded comrade on his shoulders. The background of the cover is red.

прощальный гудок и ушел. Генералы, как пополнением. Сразу же после высадки начали сильнейшие штурмы. Он длились недели две. И в результате одержали победу. Нас спасли от гибели наши «Самолеты» нам спасали пропущенные, бомбоправки и перевозимые зончные материалы». И здесь, на Малой земле, в непрерывных боях, в которых Генералы были секретарем парторганизации и интарной части 404-го стрелкового полка.

Сентябрь, 1944 год. Западная Украина. Поздняя осень. Падает снег. Надо под обстрелом разыгрываться раненым. Свои гимнасты

стерьку надела на раненого, онци, у которого от крови промокла одежда, второго раненого прикрыла своей шинелью, а сама почты разделя.

За боевые подвиги она награждена орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией».

Никополь. А в 1943 году в горящем Новороссийске Надя подобрала десятилетнего мальчика Виктора Галимова, потерявшего родителей. Он стал сыном полка гвардейцем, был награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа».

«казака», получил гимназическое ранение. Окончилась война, и Надя с мужем Григорием Иосифовичем усыновили Витю.

Из родной сына — Георгий — Ильинский институтский инженер, в Виторг — инвалид войны III группы, работает судомашинистом первого класса на теплоходе «Оленек Дундич». Недавно, вспоминая ратные дела, я спросил у Нади:

— Какой день войны был для вас «днем рождения»?

тебя самым трудным?
— Высадка на Малую землю в
составе десанта.
— Какой самый радостный?
— Конечно же, День Победы —
9 мая 1945 года.

Михаил ГОРБАЧЕВ
писатель

ДОВОН ВІТЯ ГАЛІМОВ

II

о устроверской традиции Донецк считают городом шахтеров. Да и его территории с километровой глубиной каждые сутки поднимают десятки тысяч тонн угля. И все же угледобча составляет лишь 22 процента в общей промышленной структуре города. Здесь развиваются металлургия и машиностроение, химическая и легкая промышленность...

Рассказывая обо всем этом, первый секретарь горкома партии Василий Петрович Миронов заметил:

Чтобы освоить такую индустриальную мощь, надо уметь подняться над сиюминутными интересами, находить и решать узловые, долгосрочные задачи. А главнейшая из них — это моральная готовность к ежегодной, ежечасной трудовой стабильности на каждом рабочем месте. И будь оно в забое шахты, в фабричном цехе либо за рабочим столом научного института...

С начала нынешней пятилетки в городе нет отщающих предприятий. Слухается, конечно, что какой-то завод или шахта собирается вдруг с ритмом. В таких случаях горком немедленно создает комиссию из авторитетных специалистов. Ее задача — на месте глубоко разобраться в причинах срыва, помочь коллективу наверстать упущенное.

— А есть ли такие коллективы, где годами работают без срыва? — спросил я.

— Конечно. Вот поезжайте на шахту имени газеты «Соцденистический Донбасс». Побывайте на нутре, хотя бы в бригаде Асютченко...

И вот с Анатолием Асютченко в стальной коробке клети мы несемся вниз. Рядом, бок о бок, стоят шахтеры. Шум стихает, ложатся двери, слышны звонки стволового — и люди, не мешкая, выходят из клети. Над головами бетонные своды, как в крепостном подземелье...

Проходы между небольшими, подвешенными к стене коробок, каждый отбрасывает призму на ремне самоспасателя и на секунду-две вставляет ее в мигающее контрольными лампочками устройство.

— Это личные номера, — поясняет Асютченко. — Из коробки подается сигнал, а на поверхности ЭВМ фиксируют, кто и когда приступил к работе. На обратном пути снова надо отмечаться...

— Мне тоже надо зафиксировать свой жетон? — спросил я.

— Обязательно. Человек в шахте всегда под контролем...

Мы свернули в боковую выработку и вскоре оказались на уклоне. Это уходящий вниз тоннель. Улеглись на ленту транспортера, и она понесла нас вниз, во тьму, пока не оказалась в тупике. Череда стальных арок крепления оборвась и уперлась в темную, из-

Станислав КАЛИНИЧЕВ,
фото Николая КОЗЛОВСКОГО,
специальные корреспонденты
«Огонька»

ДОНЕЦКИ

Шахтеры бригады Анатолия Асютченко [на снимке он слева] — Петр Попов, Николай Остапко, лауреат премии Ленинского комсомола Валерий Пивачов.

ломанную стену земных недр. Здесь работали проходчики.

Одна из особенностей шахтерского труда состоит в том, что добывщик работает каждый день на новом месте, он идет за пластом, выбирая его полоску за полоской. А вслед пропадают штреки, по которым в лаву поступают воздух, электроэнергия, лес и оборудование, а в конечном счете выдается на-гора уголь.

Вот и на таких шахтах на рельсах стояло нечто напоминающее маленький поезд: на колесах были смонтированы стальные короба, маслонасосная станция, вариво-безопасные пускатели и многое другое.

— Наша рационализация, — пояснил Асютченко. — Каждый день хозяйство надо передвигать вперед: наращивать кабели, трубы, шланги, переносить оборудование, свезти. Раньше на это уходило много сил и времени. А теперь все на колесах и легки перемещаются. Они пошли на бригаду подавленную к монополисту... Тоже самоделка. Дескать грунтовик заменяет. Промышленность выпускает похожие, но маломощные, не для нашего тяжелого оборудования.

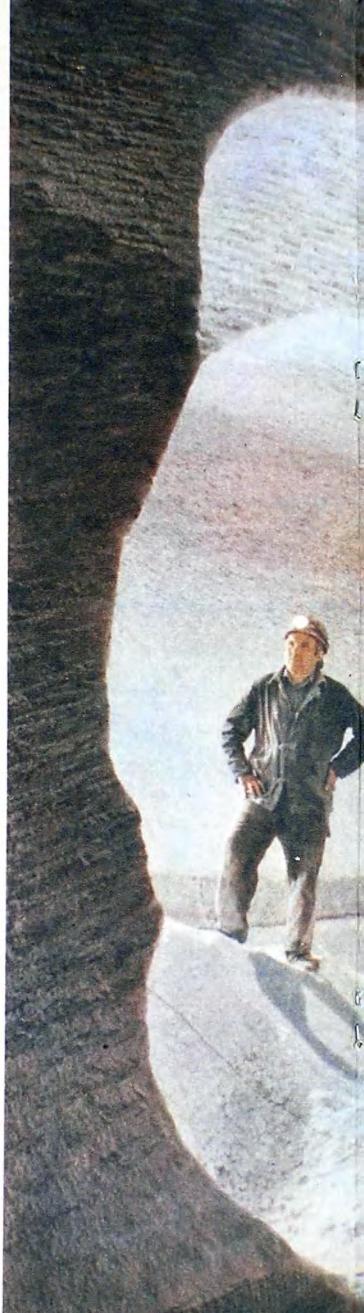
Вечерний Донецк. * Академия «Зарево» металлургического завода имени Ленина танцует закарпатскую «Кирничку».

НА РАЗВОРОТЕ В КЛАДКИ: Тренировка горнорабочих.* Рядом с угольными гигантами Донбасса уже 50 лет работают солидные шахты бригады В.П.Соловьева. Из производственного объединения «Артемсона» регулярно перевыполняют сменные задания.

Й СТИЛЬ

Потом мы полезли в лаву. По примеру Анатолия Александровича я натянул поглубже каску и на четырехверховках влезли в самую верхнюю часть тоннеля. Осторожно, с шахтной лампочкой в руке, я прошел вперед, чтобы ты разложила парень и специалист, первое же ложение на шахте в нетрезвом виде — уже прощальное. Если прогул — то же самое. Бригада не потерпит.

Метров через семьдесят останавливаемся. Давая мне возможность перевести дух, Асютченко писает:

— Чтобы проверить такой длинный забой, мы вдвоем вдруг и по верхнему и по нижнему шахтам...

...Мы останавливались еще несколько раз, и по объяснению своего провожатого я начал понимать, что это такое — труд шахтера и почему он считается одним из самых сложных в таблице человеческих профессий.

Во время очередной остановки я спросил: — У вас лава, есть там вентиляция? — тысячи тонн воздуха. Чтобы установить его, отгадать, надо, извернор, месить три!

Специальная монтанная организация берется выполнить это за две недели, — ответил Анатолий. — Но когда оснащали нашу лаву, то оказалось, что шахта не располагает соответствующим фондом денег, и нам предложили скидками бригаде засчитать лаву в счет пятидесяти с лишним процентов заработной платы с остальным обсредством. Мы посоветовались и решили, что две недели — это много. Две недели не добывать уголь — значит недодать его тысяч двадцать тонн. А наверстывать упущенное всегда трудно. Определили себе срок — десять дней. Загорелись ребята, одно за другим, старались, кто бы быстрее. Давите, давите! Где-то забыли, что после этого еще надо устричь подводники. А мы для себя старались. Изоились в придумках: никто, правда, этих раз предложений не записывал, они тут же осуществлялись. Когда работа была окончена, на нее не верилось, что весь комплекс пятидесятитонновой лавы мы затащили и смонтировали... за счет пятидесяти процентов.

...Это все штрихи истории, которую я назвал «Советская шахта Донбаса».

Шахта вступила в строй осенью шестьдесят шестого. Практически ее мощность была достигнута досрочно. Вначале работы велись на девять участков. Потом появилась сквозная комплексная бригада Анатолия Асютченко, и она с первых же месяцев стала добывать на своем участке по пятьдесят тонн. Тогда, конечно, удивлялись: стоит ли иметь девять участков, если одна бригада может добывать третье, четвертое планштабы курс на концентрацию работ, и кривая общих добываний пошла вверх. Сейчас осталось лишь четыре участка, и один из них, где трудится бригада Асютченко, дает половину всего угля, добываемого шахтой, — до двух тысяч тонн в сутки. Технермощность ее оказалась в полтора раза выше прошлой.

Анатолий познакомил меня со своими друзьями, и каждому из них давал каноническую, но меткую характеристику. О комбайнере Юре Деменчуконе он с улыбкой сказал так:

— Хороший парень, но уж больно ряно за порядком следит — как только входит в фи-

менный бар рядом с шахтой, так первым делом удаляет оттуда пьяниц! А с пьянницами борются не только мы, но и другие бригады, которых ты разложила парень и специалист, первое же ложение на шахте в нетрезвом виде — уже прощальное. Если прогул — то же самое. Бригада не потерпит.

...Наконец замелькала несколкою огнями. Здесь работали человек десять из бригады. Грехотаят комбайны. Плоский бороздящий короб, втиснутый в кузов, подвешен в нем вдоль борозды. Бригада пытается уловить. По транспортеру Бежал, вслушившись, ручей угля. Обычно для бригады работают. Но в каких же нелегких условиях проходит она! Здесь неустойчивая кривая. Проваливать лаву надо быстро, выбирать уголь и тут же обрушивать позади себя выработанное место. Остановка — головная болезнь шахтера, и ее надо избегать. Но и склонно быстро выбирать уголь нельзя: пласт должен постепенно согнуться газ. Иначе никакая вентиляция не поможет, концентрация метана подскочит так, что лаву придется закрыть на несколко суток. Единственный выход — четкий ритм. Стого выверенная скорость выемки пласта и подвигания лавы: чтобы забыть о времени, о сутках, о часах, о минутах, а вот что делать, чтобы не упасть каскадом в крепление. И уже девятый год — ни одного срыва! Каждые сутки текут из забоев бригады Асютченко ручьем и реки поистине золотого коксующегося угля.

Мы выбрались на гору, помылись в бане, сходили в парилку (есть и обыкновенная и сауна), помылись в бассейне.

Спецодежду у вас стирают?

— Берите, выше! — улыбнулся бригадир. — Два раза в месяц спецодежда проходит химчистку.

Асютченко, пользуясь случаем, рассказал, что на шахте очень хорошая медсанчасть, есть своя газорезебиница, два пионерских лагеря, большая пансионат на берегу Азовского моря...

Я уже проходил с Анатолием и вдруг вспомнил, что именно в его бригаде работает замечательный комбайнер, лауреат премии имени Ленинского комсомола Валерий Пивачев. Спросил, в какой он смене.

— Он сейчас на Запоревальской.

— Учите его бригаду!

Тут началась история... Шахта «Запоревальная» — наша соседка. В прошлом году там делали ставни на все хуже и хуже. Создали комиссии. Всшли в нее и хозяйственные и учебные. Как член бюро горкома партии, был там и я. Мы изучили работу шахты, разобрались в причинах, виноваты комбайнеры. А у шахты к этой шахте особый интерес. Там работает также же, как наша, сквозная бригада, которой руководят Герой Социалистического Труда Алексей Михайлович Андреев. Мы с ним давно дружим. И вот, чтобы помочь друзьям, выбраться из пропасти, двадцати самых лучших, самых опытных наших шахтеров (в их числе оказались и Валерий Пивачев) были командированы в бригаду Андреева.

— Нападали там работать? — спросил я.

— Шахта уже план выполняет...

* * *

На донецкой фабрике детской игрушки имеется скверик с памятником Юрию Гагарину. Это было более пятнадцати лет назад. Я присутствовал на приеме у народного депутата. К нему записалось в тот день семь человек. Депутат, уважаемый металлург, покосился на список и вздохнул:

— Заранее могу сказать, с какими делишками пришли люди. Всю вскомп, шеши, мыслы, даже будто прошлую добрую, работу женищины. Куда ни пойди — шахта, металлургическая заводы, или коксохимический. Но на заводе, где есть ускоренные темпы, разваливались лягушки и пищевая промышленность, обсушиваемые, торговля. Только в конце прошлой пятнадцати

вступили в строй один из крупнейших в стране прокатно-бумажный комбинат на 10 тысяч рабочих, краеведческий музей, краеведческая библиотека, фабрика детской игрушки, где только женщины — около четырех тысяч! В общем, за короткий срок целинно-превращено из экономической структуры целиго края. По всему Донбассу выросли десятки новых предприятий.

Все три проблемы, о которых некогда говорил мне тогда депутат, решены.

Есть в этом крае также выражение — донецкий стиль. Он во всем, какую сторону городской жизни ни возьмешь.

Можем ли я, прославившимся пятилеткам проследить четкие пути разума, науки, культуры, спорта, науки, культуры и образования. В Донецке техникум промышленной автоматики мы видели, например, как идет оснащение учебных кабинетов и лабораторий новейшей техникой, действующими схемами и макетами. Теперь учащийся получает не только знания, но и необходимые навыки будущей работы.

Мы занимаемся здоровьем. Рост материально-технической базы подтверждает развитие медицинской науки. В этом отношении характерна судьба доктора Л. Г. Завгороднего. Он окончил Донецкий медицинский институт еще до войны, потом воевал, затем несколко лет работал в заводской медсанчасти. Там его встретил известный хирург Карл Тадеусович Альштадт и привил интерес к хирургии, к оперативной хирургии.

Так Леонид Григорьевич занялся наукой. Он стал профессором, возглавил кафедру общей хирургии родного института, кафедру, которая базируется в областной больнице, оснащенной современным оборудованием. Принял эстафету от своего учителя, Завгородний щедро передал знания, опыт, научно-исследованием ученикам. Из них один из них — с руководством стажи доктором науки, больше тридцати — защитил кандидатские диссертации, четырнадцать — кандидатские кандидатские.

...Донецкий стиль! Он и в спортивной жизни. В городе полтора десятка стадионов, девять дворцов спорта, два легкоатлетических манежа, двадцать семь детских спортивных школ. Дети занимаются в них спортом, учатся заниматься спортом, как науки, как искусства.

Так Леонид Григорьевич занялся наукой. Он стал профессором, возглавил кафедру общей хирургии родного института, кафедру, которая базируется в областной больнице, оснащенной современным оборудованием. Принял эстафету от своего учителя, Завгородний щедро передал знания, опыт, научно-исследованием ученикам. Из них один из них — с руководством стажи доктором науки, больше тридцати — защитил кандидатские диссертации, четырнадцать — кандидатские кандидатские.

...Донецкий стиль! Он и в спортивной жизни. В городе полтора десятка стадионов, девять дворцов спорта, два легкоатлетических манежа, двадцать семь детских спортивных школ. Дети занимаются в них спортом, учатся заниматься спортом, как науки, как искусства.

Так Леонид Григорьевич занялся наукой. Он стал профессором, возглавил кафедру общей хирургии родного института, кафедру, которая базируется в областной больнице, оснащенной современным оборудованием. Принял эстафету от своего учителя, Завгородний щедро передал знания, опыт, научно-исследованием ученикам. Из них один из них — с руководством стажи доктором науки, больше тридцати — защитил кандидатские диссертации, четырнадцать — кандидатские кандидатские.

...Донецкий стиль! Он и в спортивной жизни. В городе полтора десятка стадионов, девять дворцов спорта, два легкоатлетических манежа, двадцать семь детских спортивных школ. Дети занимаются в них спортом, учатся заниматься спортом, как науки, как искусства.

Так Леонид Григорьевич занялся наукой. Он стал профессором, возглавил кафедру общей хирургии родного института, кафедру, которая базируется в областной больнице, оснащенной современным оборудованием. Принял эстафету от своего учителя, Завгородний щедро передал знания, опыт, научно-исследованием ученикам. Из них один из них — с руководством стажи доктором науки, больше тридцати — защитил кандидатские диссертации, четырнадцать — кандидатские кандидатские.

...Донецкий стиль! Он и в спортивной жизни. В городе полтора десятка стадионов, девять дворцов спорта, два легкоатлетических манежа, двадцать семь детских спортивных школ. Дети занимаются в них спортом, учатся заниматься спортом, как науки, как искусства.

Так Леонид Григорьевич занялся наукой. Он стал профессором, возглавил кафедру общей хирургии родного института, кафедру, которая базируется в областной больнице, оснащенной современным оборудованием. Принял эстафету от своего учителя, Завгородний щедро передал знания, опыт, научно-исследованием ученикам. Из них один из них — с руководством стажи доктором науки, больше тридцати — защитил кандидатские диссертации, четырнадцать — кандидатские кандидатские.

«Вот это машины!» — ребята из детского сада № 73 в гостях у рабочих фабрики игрушки * Художественная гимнастика популярна в Донбассе. У студентов университета Игоря и Татьяны Мордвиновых сегодня самый счастливый день.

американцы

Владимир НИКОЛАЕВ

Поговорим о правах американцев, никак не связанных с женами. Давно и до сих пор не влезет в США претензия вопрос о женском равноправии. Причем сегодня вопрос о женском равноправии стоит очень остро. Как-то одна американская журналистка брала у меня в Вашингтоне интервью, очень интересовалась положением женщин у нас, с готовкой на их жизнь в США. Настроена она была агрессивно. Это было странно, потому что в Америке есть чем возмущаться, когда заходит речь о положении женщин. Постепенно в ходе нашей беседы я почувствовал, что ее агрессивность распространяется и на меня. Было и я виноват в том, как достается американцам. Дело в том, что, отвечая на ее вопрос, я сказала: «Да, конечно, я ико всему этому сказала, что, несмотря на наше равноправие, мылоху же женщине оставаться женской, на мере своих сил ухаживать за жизнью, а главное — растить хороших детей. Тут она на меня и обрушилась! И это было опубликовано в газете интервью со мной, с таким же выразительным тоном, как и ее первоначальные высказывания. В своей спротивной борьбе могли такие американки, как эта журналистка, отрицать даже право женщин на ее женственность. Такая их гордость и крайность виляют обиженными. Страна с гордостью, забытой женщин в США развел в среднем 50 процентов женщин, которых причем американки составляют 42 процента от трущихся. То есть жизнь такова, что американка ую давно перестала быть только женой и матерью, она трудится наравне с мужчиной, вот получает только половину».

Неравенство в США является не следствием произвола мужественных имитаторов, оно вполне законено. В Соединенных Штатах действующие законы содержат более 800 разделов и положений, ставящих женщин в неравноправное положение по сравнению с мужчинами. Это уже давно известно. Но история борьбы американских женщин за свои права насчитывает свыше ста лет. Еще в 1948 году группа активисток женского движения в Америке составила текст декларации, призывающей к борьбе за права женщин. Но это было в журнале «Ю. С. наций энд Уорлд», риторике которого была одна из критиками женщин сегодня так же велики, как и в начале века, если не больше. Правда, масштабы женского движения в наше время заметно возросли. Я был свидетелем общенациональной конференции женщин в Хьюстоне. Уже сам выбор этого города как место их встречи говорит о многом. Это космическая столица США, насыщенный современностью и быстрорастущий город. В огромном хьюстонском Колизее собралось две тысячи с лишним делегатов и более двух тысяч активисток. Покладки и премии отличались обширностью и эмоциональностью, вопросы обсуждались немало — было приурочено двадцать шесть зеркал. Но это все, как говорится, с одной стороны. С другой стороны, официальной, власти страны не идут пока на поправку в конституцию США, провозгласившую

бы равенство мужчин и женщин. Да, да, в американской конституции о женском равноправии до сих пор нет ни слова!

Для нынешней моральной атмосферы в США весьма примечателен тот факт, что в последнее время женщины уравнивались с мужчинами в сфере военной. Им разрешали служить в армии и на морском флоте. Уже более шести процентов военнослужащих США составляют женщины, хотя даже в годы второй мировой войны в американской армии было не более двух процентов женщин, которые к тому же, как правило, служили во вспомогательных частях. А теперь вот в мирное время, они получили по линии Пентагона полное равноправие и служат в боевых частях наравне с мужчинами. Сомнительный привилегии!

В движении американских женщин за свое равноправие роль играют их борьба против эксплуатации, которую вспомогательные женщины в США одной из крупных отраслей бизнеса. Полиция бессильна что-либо поделать с проституцией и порнографией именно потому, что этот преступный бизнес приносит огромные прибыли его организаторам. Их с такими деньгами не составляет труда связаться с законом и с обществом в мириаде способов.

И, наконец, два слова о политических правах женщин в США. Они составляют 52,2 процента избирателей, а вот в американском сенате среди членов всего одна женщина. Ничтожно их количество и в других выборных должностях по всей стране.

Впрочем, так называемые выборы в Соединенных Штатах демонстрируют не только дискриминацию женщин. Известно, что почти половина избирателей в США вообще не принимает участия в президентских выборах. Потому? Да потому, что они считают эти президентские выборы спектаклем, который не требует времени и образа. Рядовой американец, как правило, понимает, что он не имеет никакого отношения к определению того, кто становится на главе страны и кто будет избран в конгресс. Как известно, «Нью-Йорк Таймс», «Среди тех, кто избирает свою кандидатуру в сенат затрачивается 920 тысяч долларов». Потом одни миллион! А на избрание президента США уходит десятиллионы! Кто дает эти деньги, тот и определяет, кому быть, а кто не быть избранным. А значит, и цена денег, их стоимость, и не является для большинства борьбой головоломкой тут факт, как действуют закулисные рычаги политической машины. Потому он и проявляет такое равнодушие к традиционной шумихе избирательных кампаний. Всю эту политическую и такую фальшивую 43 процента избирателей, которых избиратели называют себя демократами и 22 процента — республиканцами. А ведь именно между этими двумя борьжавыми партиями и ведется борьба за Белый дом и за кресла в конгрессе США. Так что десятиллионы американцев, которые не принимают участия в выборах, называть людьми аполитичными будет неправильно. Они просто здравомыслящие люди и не пользуются этим своим правом, потому что вполне справедливо считают его фикцией. При таком политической инертности избирателей вся предвыборная кампания сводится

активистов двух буржуазных партий, состоящих из состоящих людей. Недаром в издании США напечатано: «Вот не внес или вынес» — так говорится о вынесении законодательным органом, избираемом гражданами страны, «Американский народ не признает участия в деятельности своего законодательного органа, не перестал доверять конгрессу, и до сих пор это не будет предпринято». Такие меры, эти двери, уже не вернутся! Так различняется миф о «выборной демократии», миф о еще одном праве американцев.

Самое непосредственное отношение к американскому праву на права американских граждан, на права избирателей, так называемые «правнес». В переводе на русский язык это слово значит «удивленность». В данном случае оно толкуется шире, примерно так: неприкосновенность личности и ее частной жизни. Идеологи буржуазии общества любят утверждать, что «правнес» — это право, которое может спасти и стоит их мир. Но ведь, как это парадоксально, повсеместно мы видим бесцеремонное нарушение святого, казалось бы, «правнес». Для начала зададимся вопросом: чем в основном занимается буржуазия в Америке, какое оно занятое? Буржуазия занимается, как это часто заявляют она массовым бытием. Работой, спортом, спектаклями и сплетнями о жизни этих интересных людей, какие интересуют общества. В этом постоянном стремлении, ворочении чужое грязное белье буржуазия пресса не знает ни границ, ни правил этикета. Правда, в США есть законы, по которым человек, считающий себя абсолютно независимым, может подать в суд на организацию, которую, по его мнению, в этом повинен. Пойдет в суд и потребовать извинения и материальной компенсации за насыщенный моральный ущерб. Это его право. Но не каждый из нас имеет право. Право судебного разбора, такой языки, обвиняющей в журнале сделают все возможное (и даже невозможное), чтобы еще больше очернить свою жертву или, во всяком случае, беззадачно затянуть процесс, измотав истца до рогостоящей тяжбы, которая далеко не всегда имеет конца. Право на газеты или журналы сил и возможностей не изменилось, больше, чем у истца, подавшего в суд. И вот им его будут и дальше трепать на всех перекрестках и на печатных страницах, а его судебные издерзки будут неудержимо расти. Кстати, такой метод борьбы в Америке называется «правнес». Но одна сторона ведет дело на иного, ее активисты затягивают процесс по любым поводам до тех пор, пока у противной стороны не иссякнут средства. В результате прав тот, у кого более денег!

Иногда борьба с прессой часто становится американским известием, как правило, в мире кино, телевидения, спорта. Кумиры толпы, созданные всеми средствами информации, они и гибнут потому от тех же, кто создает им рекламы. Сначала закулисные рычаги, а затем, когда становится такой «звездой», растут даже обвинения ее завлекательной и непреклонной образ. Новый кумир заевляется сердца зрителей и делает деньги для своих хозяев. Но ничто не вечно под луной, временем идет, «звезда» выдаивается или просто стареет, а ее создателям хочется заработать на нее еще и еще,

приходится как-то подогревать интерес обывателя к увидавшему кумиру. Вот в хол и идут действительные и выдуманные исторические личности, любовные истории и сказанные с ними скандалы; бесконечные бракоразводные процессы, распри между «звездами» и их детьми и т. п. Вся эта интимная грязь еще какое-то время привлекала внимание голливудской публики, но вскоре стала прахом. Идол, некогда поклоняющийся практика эксплуатации «звезд», они часто не вылезают. Ни слава, ни деньги не спасают их от душевного расстройства, и часто дело доходит до трагического конца. Слишко и рядом поруганные знаменитости пытаются вступиться за свою честь, подают в суд на светских сплетников, занимавшихся ими, но это только вносит масла в огонь скандала и ускоряет роковую развязку. Так вот и получается очередное изнедательство над правосудием вместо того, чтобы защитить оклеветанного человека, оно превращается в пособника клеветников, и сам процесс становится сценой, где народу объясняют разыгрывавшуюся историю с участием очевидной мертвоты — «звезд».

История американского шоу-бизнеса полна именами таких же жертв. Одни из них были уничтожены морально, другие — физически. Вспомним прославленную киноактрису Мэрилин Монро, покончившую с собой. Как трепали ее имя любители гротеска, как гоголевски изображали ее существование на голливудской грязи. Риту Хейворт, которой лет тридцать назад была вручена премия «Триумф популярности». Триумф обернулся трагедией. Риту Хейворт делали «звездой» по всем правилам шоу-бизнеса: смили ее и имя и внешность, сделали из брюнетки блондинкой, подправили лицо и фигуру. Увеличивались фотографии, росла слава, в почтенных газетах сплетни, громкие бракоразводные процессы. Сюиторные таблетки уже не помогали актрисе восстанавливать уходящие силы, она начала пить, затем стала наркоманкой, и все это привело к тяжелому психическому расстройству.

Недавно пустив «себе путь в лоб» Фредрик Принс, «звезда» телевидения, ему было 22 года, и на бывшей обложке журнала в громкой форме в оглавлении им предсмертной записке он заявил: «Не могу больше тянуть эту лягушку». Список таких же жертв можно продолжать и продолжать. В последние годы на эстраде и в кино ярко вспыхнула новая «звезда» — Лиза Миннели. Она действительно очень талантливая, драматическая актриса, но ее судьба, как и судьба многих ее подруг, и таинственна, и таинственна. Как только она набрала силу и к ней присоединилась слава, она тут же попала на конверт светских сплетен и детских бульварных сенсаций. Ее жизнь с мужем, Джеком Хэйли, известным сценаристом и режиссером, стала достоянием гossipов. Любопытно, что Хэйли, когда-то работавший в газетном индустрии, тоже вынужден был отрицать слухи, на что говорят: «Он взял волю в свои руки, значит, все правда!». Если вы ничего не отрицаете, то это объясняет тем, что слух абсолютно верен. Так или иначе вы в западне». Между прочим, его самой известной работой является фильм о Мэрилин Монро, покончившей с собой. Между прочим, это же ушла из жизни и мать Лизы Миннели, она тоже была очень известной актрисой.

А буржуазные пропагандисты продолжают сочинять сказки о «правдивости», о том, что американский закон и суд непоколебимо стоят на страже интересов общества и не приносят никаких изъян.

В Соединенных Штатах я довольно близко сошлась с одним американцем, который выучил русский язык. Вначале у него это был просто интерес к нашей культуре, затем он понял, что знание русского языка помогает ему по специальности. Не сразу и вдруг поведел он мне о том, что знает и прекрасно понимает наш язык. Как только он хорошо освоил ее, ему предложили работать на... американскую разведку. Предложили бесцеремонно, настойчиво, можно сказать, ультимативно. Обещали тут же послать на стажировку в Советский Союз. Мой знакомый русский, который до довольно робких, интеллигентных, был потрясен. Думал, что именно такое потешение и заставило его открыться мне. Он был очень

напутан и много раз взял со мною слово, что никому не назову его имени. Судя по тому, как говорили с ним кадровые разведчики, такаяverbовая практика распространяется в стране. Его признание сегодня не удивляет. В последние годы было разоблачено немало скандальных историй о том, как американские агенты американской разведки грабили и убивали, еще какое-то время практиковалась Центральным разведывательным управлением (ЦРУ) и Федеральным бюро расследований (ФБР). Известный американский публицист Дэвид Уэйз в книге «Американское policeское государство» — правительство против народа» пишет:

«На прошлой неделе в результате четырех лет работы в сени администрации правительственные разведывательные и полицейские службы нарушили законы и насилили конституцию. Правительство использовало против народа следующие методы: подслушивание телефонных разговоров, обласки со взломом в отсутствие хозяев и незаконные изъятия, видеонаблюдение, тайные фотографии, визуальное наблюдение, тайные телеграммы, широкое использование доспехов, составление списков подозрительных лиц».

Известно, что ФБР является американской охраной, следит за гражданами страны. До последнего времени меньше было известно о другой стороне деятельности ФБР, о том, что это агентство подчинено праву человека и создает угрозу обществу и муниципалитету. Оказалось, что борьба давно специализируется на раздувании антисоветской истории, на инспирировании слухов о любых имеющих место «коммунистическом вырождении» в американской обществе. Это подразумевает деятельность ФБР, которая, пытаясь, с большой затратой государственных средств и привлечением больших сил государственного аппарата. Эта вредоносная работа борьбы идея по самым разным направлениям. Например, ФБР способствует предпринимателям о том, каких поисковых мероприятий предпринимать, чтобы избежать преследования, какой полицейской деятельности они занимаются. Другой метод воздействия из неизвестных лиц, можно сказать, метод типично американской ФБР: информирует финансовые учреждения о политических неблагонадежных с его точки зрения, лицах и организациях. Зачем это делается? Для того, чтобы борьба с коммунистами оправдывалась позором. Финансовые учреждения должны отказывать им в предоставлении средств. Распространение клеветы и провокационных слухов — еще один метод полицейской службы США. Известна имена многих прогрессивных американцев, ставших жертвами имени такого же лица председателя ЦРУ звучит как «Джек». Большинство безвестных людей, имена которых американцы не знают и не узнали. Расправа такого рода грубейшим образом нарушает непривычность личной жизни в США, о которой разводят демагогию алогеты американского образа жизни. После многих разоблачений деятельности ФБР, следовавших одно за другим, газета «Нью-Йорк таймс» была вынуждена напечатать:

«Эдгар Гувер, который целиком ползка был директором ФБР, имел особых, осенний временным статус. Этим он был обязан не столько своим административным талантам и умением рекламировать себя в печати, сколько тому, что в его руках находилось содержание секретной информации и сведения о личной жизни различных деятелей».

Известно, что Эдгар Гувер лично добился дисредитации ведущего американского борца за свободу негров Мартина Лютера Кинга. Американский публицист В. Симонсон пишет в книге «Секретная разведка» против руководителя движений за гражданские права Мартина Лютера Кинга. Сейчас мы знаем, что наряду с другими приемами травли борьбы против анонимных угроз пытались заставить Кинга покончить жизнь самоубийством». Дисредитировать Кинга не удалось. Тотчас же его жизнь обворвала пуря национальной разведки.

В 1979 году покончила с собой известная американская актриса Джин Сибер. В данном случае обстоятельства сложились та-

ким образом, что причина смерти сомнений не вызывала: ее убило Федеральное бюро расследований. Это удалось выяснить довольно склонно. А сколько других подобных актов места со стороны ФБР остались неизвестными! Известно, что в последние годы самым специальной сенсацией комиссии, занимавшейся расследованием деятельности ФБР, оно провело 2300 подобных операций. Много это или мало для того, чтобы говорить о нарушении прав человека в США? И кто поручится, что в это число вошли все преступления ФБР такого рода? А как они действуют в их хитрый механизме, наглядно показавшийся трагедия, разыгрывавшаяся с Джин Сибер?

Белая киноактриса, да к тому же еще «звезда», нарушила одну из тех заповедей, на страже которых стоял сто ФБР, — она выступила в защиту прав американских негров. После смерти актрисы ее бывший муж, писатель Роман Райан, заявил:

«Джин Сибер — это представитель ФБР. В 1970 году, когда мы собирались развестись, борьбо организовал публикации в крупной американской газете сообщений, в котором говорилось, что Джин ждет ребенка от одного из лидеров экстремистской организации «Черные пантеры». Лицо и имя известной сомнительной в этом отношении актрисы, «губительной» сказала, на состоянию Джин, и наша девочка родилась мертвотой. С тех пор у Джин началась первая реальная расстройство. Каждый год в день смерти ребенка она пытается покончить с собой».

В ответ на вопрос, почему актриса так болезненно реагировала на грозную клевету, он ответил:

«Потому что официально она тогда еще оставалась моей женой, но, главное, Джин боялась, что вся ее борьба будет сцендена в глазах общественности к чисто сексуальным мотивам. Она не выносила даже мысли об этом. Вот почему она повесила тело ребенка в Маршалланте в склонном гробе, да и на кладбище во время похорон девочка лежала в открытом гробу, чтобы все могли убедиться, что она была мертвой».

В ходе последовавшего затем расследования это заявление полностью подтверждено. Оказывается, сам Эдгар Гувер, тогдашний шеф ФБР, сам решил, что этой женщине не хватает денег. Он начал прегрессивно реформировать финансово помощь «Черным пантерам» и должна быть нейтрализована. Ее инициативность дает возможность для такой попытки». Затем отделение ФБР в Лос-Анджелесе организовало публичную заметку в газете «Лос-Анджелес таймс» о том, что Джин Сибер имеет связь с членами «Черных пантер». Этую акцию санкционировала Гувер, находившая на проект пропаганды резолюцию: «План, предложенный Лос-Анджелесом, интересен». Из газеты эта клевета перекочевала затем в известный еженедельник «Ньюсити». Там ФБР с помощью «свободной» американской прессы, защищая интересы ФБР, организовала с помощью грубой деятельности бюро газету «Вашингтон пост» писала о «постоянно расширяющихся масштабах незаконного вторжения ФБР в частную жизнь, манипулирования прессой и нарушении конституционных прав».

ФБР создает в провокационных целях фиктивные прогрессивные организации, в которых, кроме его агентов, сплачиваются друг с другом различные левые объединения, шантажирует деятелей прогрессивного движения, дискредитирует их в глазах общественности. Газета «Нью-Йорк таймс» снедает, что «ФБР имеет осведомителей в крупнейших органах массовой информации, университетах и благотворительных организациях».

В оной упомянутой с ФБР находится и Центральное разведывательное управление. Но идея его функции не должна распространяться на Соединенные Штаты. Там было спасено от опровергивания в создании ЦРУ в 1976 году. Но зато этим было пожелание было предано забыванию, и сегодня управление здание с ФБР гравитирует американским инакомыслием, раздувает миф о «советской угрозе», пытаются подорвать прогрессивное движение в США и обвинить его в «связях с Москвой». Но и этого мало! Есть и другие вполне официальные органи-

зации, ведущие полицейский надзор за американцами. Например, армейская разведка. Казалось бы, ей нужно было бы заниматься совсем иными делами. Но нет, она тоже приглядывает за американцами. Есть еще в США некий институт АНБ (Агентство национальной безопасности (АНБ)), это тоже буквально следят за американскими гражданами, хотя его основной задачей при создании было соревновательной информации. Вот сколько полицейских ищет на американском народе! Их количество и деятельность может создать климат страны, который не улучшит и замедлит развитие общества. Причем такого рода послательства на самые элементарные права человека стали нормой не только в полицейском и разведывательном аппарате США. При президенте Никсоне Белый дом изобретал тайные методы, включая «акции в тени», национальные и языковые противники. В этом документе шла речь о необходимости составить «список врагов» администрации Никсона и о методах борьбы с ними. В меморандуме, в частности, говорилось:

«Наши политические враги, носившие тру-
му, в этом образе мы можем наиболее эффективно использовать факт нашего пребыва-
ния в Белом доме для акций против лиц, которые занимают оппозицию по отношению к нашей администрации. Перефразирую, то же самое в более резкой форме — как мы можем использовать политический враг в нашем распоряжении для того, чтобы придать нашим политическим про-
тивникам. Вкратце порядок действий будет следующим: ведущих сотрудников Белого дома следует заподозрить, кому, по их мнению, мы должны осложнить жизнь. Координа-
тором операции должен затем определить, какого рода враги имеются в Белом доме с федера-
цией, привлекательны ли они, и как можем придавать им наихудшим образом (ис-
пользуя в этих целях федеральные субсидии, федеральные контакты, судебные иски, судебные расследования и т. п.). Координа-
тор операции должен иметь полную под-
держку со стороны руководства агентства или министерства при ведении дела того или иного лица».

Этот своего рода выдающийся документ как бы анализирует всю систему политического сыска и полицейской тавли в США, при этом в случае необходимости даже подает Белый дом. «Правда, мы имеем в виду, что администрация Никсона, мог использовать, другие не такие. Нет, такие же! После уголовного дела американские журналисты более тщательно покопались в истории Белого дома и обнаружили, что подобные методы борьбы с политическими конкурентами были на вооружении и других американских президентов.

Вот и получается такая история: в стране, из которой громче всях раздаются призывы в защиту прав человека, положение с этической точки зрения, более чем сомнительное. Как бы подытоживши разговор на эту тему, американский ежедневник «Голдингстон» высказывает следующее мнение:

«Для значительных слоев населения Соединенных Штатов права человека это «сахарные поганки», которые можно манить содерганием. Миллионы американцев им имеют возможности трудиться,lynchii достойного жилища, приличного образования, должной охраны здоровья, соответствующего питания и работы в пожилом возрасте. Для этих людей права человека просто не существует. Могло бы быть и обратное, очевидное: права человека и в самом деле существуют в Соединенных Штатах — для малосеньшего меньшинства. Но бревно в нашем глазу, наш фатальный изъян заключается в том, что право «на жизнь, свободу и страдание в счастье» лишены миллионы граждан страны».

И, наконец, последнее уточнение. Его сделал писатель Гор Бидл: «Нет вам в Америке свободы, если у вас нет денег... Практически люди, сочинившие конституцию в 1787 году, создали уточненный механизм, который в том подремонтированный, там подправенный — защищает собственность вот уже почти двести лет».

ПРОЗА НИКОЛАЯ РЕРИХА

Удивительно современно звучат многие мысли этого писателя. А ведь большинство из них было и было написано автором на заре века. Еще в начале 1900-х годов писатель Н. К. Рерих свой голос в защиту русских национальных культурных ценностей «Оборона скованных народов» становился одной из основных целей его жизни. Изучив и поняв величие созданного предками нации, Рерих, один из первых сказал то, о чем не было сказано никем: «Мы не можем успокоить многое писатели, ученые, публицисты, художники, ратуя за бережное отношение к памятникам истории и культуры: «...Пора русским, образован-
ному человеку вспомнить и полюбить Русь. Пора, наконец, скучающим без новых впечатлений, интереса и восхищения и значительным, которым они не сумели еще отвести должное место, что заслуживает серые будни веселую, красивую жизнь».

Пора всем сочувствующим делу старины кричать о ней при всех слухах, во всей печати указывать на положение ее. Пора старине, вспоминая о величии и неподражаемости администрации «договорившихся» с краине ближайшими. Пора возвращать новые молодые силы в кружки ревивителей старин, пока, наконец, этот прорыв не передаст в национальное творческое движение, которым так сильно всегда культивировалась старина. Это слова из очерка «По страницам прошлого» вдумчивому составителю, исследователю и писателю Н. К. Рериху С. Сидоровым в том избранных прозаических произведений Рериха, мы привели не случайно. К сожалению, и сегодня, на закате века, часто, обидно часто приходится сталкиваться с равнодушными и корыстными людьми, до которых до восхищения того или иного памятника, здания, усадьбы, где свирепствуют события, захолупленные для нашей истории и культуры. Нет, конечно, в наши дни мало кто открыто выступает против сохранения и возрождения очагов культуры, но порою узкая и пренебрежительная позиция по отношению к прошлому, к тому, что было, вперед стоят на пути многих начинаний. Поэтому так актуальны уроки Рериха, которые можно назвать уроками любви к родной земле, бережному, вдумчивому отношению к истории и традициям.

Вышеупомянутые мысли были замечены Рерихом: «Но нужно, чтобы памятники стояли мертвыми, как музейные предметы... Дайте памятнику живой вид, возвратите ему то общее, в котором он красовался в бы-
лом времени — то, что, до некоторой степени, воспрерите! Не застрайвайте памятников, до-
холода и саркофага; не заслоняйте их ка-
ретами и саркофагами; не заставляйте их временные нам предметы — и многие с не-
сравненно большей охотой будут рваться к памятнику, нехели в музее: «Но мало охранять и восстановлять самый памятник, надо восстановить насквозь то, что в пределах воинского: не исключая и памятника его окружающих», — например, «срумянки Большых Гостиных Рядов в Москве (ныне ГУМ... В. Е.) — дело прекрасное, но отсту-
пи оно еще дальше от Кремля, и Любое место не стало бы казаться плавающей
цей, а Василий Блаженный стоял бы много-

Н. К. Рерих. Избранное. «Советская Россия». М., 1979, 384 с.

свободнее». Как видим, уже тогда заботила Н. Рерих проблема отношения памятников и охраны их в новых условиях развивающегося города и общественности. Он од-
ним из первых сказал об этом, и это не только со временем не устарело, а как бы получили вторую жизнь в наши дни интенсивной реставрации Москвы. И мно-
гим архитекторам, инноваторским вторгав-
шимся в искусство-архитектуру столицы, было бы нечестно не вспомнить задуманные над уроками Н. К. Рериха.

При этом Рерих крайне своеобразен. В ней присущи сплетаются легенда и публицистика, элементы эпистолярного жанра и художественного высказывания. Как бы мы ни определяли его стиль — истики ясны; они в культуре Древней Руси, сплавленной с традициями русского искусства конца ХІХ — начала ХХ века.

Известно, что Н. К. Рерих обладал многочисленными талантами (в этом, кстати, он тоже был типичным представителем культуры русской элиты). Члены страны его прозы — это не просто гении, а люди, члены той же эпохи, чьим творчеством и талантами он вдохновлял. Особняко ярко та-
кое сопоставление по отношению к уникальному Гималайскому циклу картин и его дневникам, очеркам, книгам об Индии, сборникам включенных интереснейшие дневники и воспоминания «Сердце Азии». Путь через Гималаи составлял путь к душам Рериха, вехи этого пути — и его прозы. Он не просто грезил об Индии, а затем, узев ее, восхищаясь ее людьми, природой, древней философией. Истинный русский патрист Рерих искал и находил общие культурные и общественные ценности народов, общность начального пути, «Через Всемирный океан» в страну Индии. «Много складств с российским звучанием и возможностями. Путешественники замечают это. Сами индусы чувствуют себя на Руси, как дома, и русские в Индии тоже», — писал художник. Чтобы постыни душу волшебной страны, в которой Рерих проводил самую значительную часть жизни, и сорок лет изучает историю, философию, обычай, искусство народов, населяющих Центральную Азию. Дневники Рериха несут обширную информацию. Путешественник абсолютно лишен наивного скептицизма по отношению к древним цивилизациям и непонятным залежам человеческой мысли. И загадочные события, сдвиги, неожиданности, которые случалось быть и от которых он спался в многочисленных сказаниях и легендах во время гималайского пути, Рерих стремится понять и объяснить: многие легендарные сказания о величии и могуществе, преобразующие в легенды. Сильно заинтригованный скрыто в древних сказаниях. Они могут быть оживлены спать, если мы будем изучать их самоутверждением. Поэтому с таким тщением и вниманием собирает Рерих свидетельства о таинственной священной стране Гималаев, о ее величии, о ее фольклоре, философии, религии, мифологии, который за тысячелетия сложился вокруг символического понятия «Шамбалы», стремится он вымыть реальный и прекрасный источник, энергия которого дышит поэтическими символами сказаний.

Интересная книга избранной прозы Николая Рериха, соединенная промзведен-
ием многих лет, может быть, и не публицистического выступления в защиту культуры, заставляет серьезно задуматься над судьбой его литературного наследства. За последние годы вышли несколько сборников стихов и прозаических произведений Н. Рериха. Видимо, настало время для изда-
ния полного собрания сочинений, чтобы стимулированы и прокомментированы все наиболее значительные литературные про-
изведения замечательного русского художника,ченного, писателя.

В. ЕНИЩЕРЛОВ

гивать ноги. Победили мы тогда и в командном зачете: почти целих семь баллов выиграли у швейцарцев, былых законодателей европейской и мировой моды.

Вот как сразу триумфально все началось. И это не случайно, потому что еще в довоенное время гимнастика была одним из самых популярных видов спорта в нашей стране.

И казалось, что долго никто не будет угрожать преимуществу советских гимнастов. Пятое место сборной Японии, серебряные и бронзовые медали на отдельных снарядах, завоеванные Т. Оно, М. Такемото, Т. Усако, не настороживали — спортсмены солнечным диском на майках походили на прилежных учеников, не более.

А между тем поединок, которому предстояло стать центральным

му предстояло стать центральным событием в будущей мировой гимнастике, по существу, уже началась тогда в Хельсинки. Четыре года спустя в Мельбурне японцы были уже вторыми, а Тасаки Оно отдалили от Чукарина, вновь ставшего чемпионом, только полшага — 0,05 балла. И вот в Риме на Олимпиаде 1960 года снова советский гимнаст, на этот раз киевлянин Борис Шахрай, побеждал.

евляяним Борис Шахлин, добился личной победы. И снова на второй ступеньке с разрывом в 0,05 балла стояла все тот же упрямый Оно. Но командное первенство на этот раз завоевали японцы.

японцев поровну — по 67, а золотых (считая и личное первенство и состязания на отдельных снарядах) у советской сборной всего на две больше — 26.

Во времена первоначального японской гимнастики, то есть в начале 60-х годов, родился термин «ультра-си». Так называют особо трудные элементы, которые вроде

1

бы находятся за верхним пределом группы «с» — высшей категории сложности. Эти сверхсложные фигуры, как правило, упражняются спортсменами Страны восходящего солнца. Но главное преимущество японских гимнастов было в том, что «мозговой центр» японской гимнастики, взглагалываемый профессором С. А. Смирновым, не забывал основы специфической техники, позволяющей легко использовать эффективные трюки — в так называемом «хлестообразной» ма-

нере. В гимнастике секреты быстроты рассекречиваются, становятся общими достоянием. Прошло немногим временем, и наши тренеры тоже взяли «хлест» на вооружение, но небольшая временная фара долгое обуславливала победы японцев и наши поражения.

у нас уже выше.

В Монреале и Страсбурге произошел, пожалуй, психологический перелом во взаимоотношениях двух команд. Наши спортивные, которые были много моложе, почтительны, рядом с такими львами, как крахийский, похожий на кузнеца Слава Като, элегантный Эйдо Кеммоу, уверенный в себе Мицую Чукхара, увидели, что японцы тоже могут блеснуть, и у них руках дрожат мускульные ручищи.

Абсолютным чемпионом в Монреале стал Николай Андрианов. 23-летний, бесстрашный, эзорный Он не просто победил, он разгромил тогда всех, и прежде всего Като, и как разгромил шесть предыдущих Олимпиад, не было случая, чтобы первый выиграл у второго целый балл. Вот теперь, по милости политически замечательные японские гимнасты оказались вообще вне игры. Нет, не заслужили они такой уча-

Говоря об Андронове, надо сразу же подчеркнуть его огромную роль в поступательном движении всей нашей мужской гимнастической нации.

«Звонкий» — есть такой термин в гимнастическом спорте. «Звонкий» гимнаст тот, кто всегда в нужный момент на пике формы. Андронов сразу «прозрел», когда пришел в сборную, дерзкий провинциал, жаждущий всему миру доказать владимирское свое первородство. Старшина его таинственным устами тогда прогимназировали нас, именем недоскальмы, именем Андронова. И мы сидели ся и ни перед кем не преклонялись. **Он. Был как сибиряк пляски, нонконформист.**

проложил дорогу новому поколению, новой команде, той самой, которая победила наконец на первенстве мира в семьдесят девятом.

Можно долго рассуждать о том, что обеспечило эту победу, анализировать методику, организацию дела, но, чтобы не затягивать разговор, упомяну только о главном. Оно в том, по-моему, что тренерский коллектив сборной, взглянув на лязмейлен Леонидом Аркаевичем, начавший, внимательно изучая поиски японцев, салым работать с перережением, вести спортивно-боевую крутоть, но более короткой, дорогой.

Не всем и не всегда нравились эти победы на наших внутренних соревнованиях, суды предъявляли гимнастам требования по части сложности и чистоты исполнения, более суровые, чем на международном уровне. Но это стало одним из главных факторов победы. А в этот раз, когда на первенстве присутствовало по существу из первого — явилось то, что за последнее олимпийское четырехлетие в сборной сформировался крепкий костяк и почти равнозначных спортивных мастеров. Это ленинградец Александр Дитятин, рослый юноша с мужским характером, поразительной силой, способный собирать кулак все мастерство, да и не только его, и выступать тем лучше, чем важнее состязание. Он абсолютный чемпион мира, 1979 года.

Это воронежец Александр Ткачев, магнит, неизлебимый, славный парень, но в состязаниях упругий как мяч, способный на самые лихие трюки, которые вроде бы не предполагаются для него никакими спортивными нормами. И вот этот уникальный перелет через первоклассную спинной операцию. (Анализ на пресс-конференции он искрыл не сказал, что это вовсе не трудно, надо только успеть руками з гриб уцепиться). Он второй гимнаст мира, чемпион страны в четырех видах спорта.

года.

И это, наконец, знакомый народник Николай Андреянов, но ко всему уже перечисленному мною его достоинствам надо присовокупить еще одно, для команды главного тренера: он лидер, умееет сплотить и привести за собой младших товарищеских. Если же добиваться, что этим строем стоит такие молодые мастера, как Богдан Макуц, Артур Акопян, Эдуард Азарян, Георгий Кулакянц, Сергей Хижняков и другие, то станет ясно, что в будущем мы можем смотреть с уверенностью.

Все эти гимнасты — настоящие многоборцы. Они обладают ценнейшим психологическим достоинством — способностью к самонастрою. Разные снаряды предъявляют к гимнасту разные требования. Но одинаково превалирует сила на других — скорость, на третьих — координация. 14 лет в школе

Придер союзного съезда Недли Ким.

ПОМОСТЬ РАС

На кольцах Н. Андрианов, А. Днитягин, А. Ткачев и Э. Азарян.

кие промежутки между подходами к снарядам гимнаст должен совершенно отключиться от одного снаряда и запрограммировать себя на другой. Кто владеет этим умением, тот и есть истый многоборец.

Но, кроме абсолютного первенства, медали разыгрываются на каждом снаряде, цена каждого тюльпаноматрицы — 7 очков. При этом надо заметить что спортивно-технический тюльпаноматрицы в многом и технических, если можно так выразиться, мотивами прогресса. Конкуренция на снарядах особенно высока, потому что в ней участвуют представители значительно большего числа стран, чем в борьбе за абсолютное первенство. Вспомним, сколько в свое время длилось мастерство в кисти легендарной Мирославы Цециры, великолепной акробатки, после ее ухода на этом снаряде было нечто вроде застоя, пока не появился венгр Золтан Мадьяр, обогативший программы «вертушками». Вспомним,

какую высоту, воздушностьольшеим упражнениям придал итальянец Франко Меникли, а в последнее время сказал свое слово в выступлениях американец Курт Томас.

К слову сказать, то, что мы не увидим на олимпийском подиуме гимнастов США, наносит вред прежде всего самим спортсменам. Видимо, когда еще в спорте в США, она стала развиваться совсем недавно, и мужская и женская команды как раз начали многообещающий подъем, и настало время показать молодых американских гимнастов на весь мир, на уровне выше, чем в прошлых шансах на олимпийской арене. Но в олимпийским пределами. Это, без сомнения, заборотят и рост, и развитие.

Передаем к женской гимнастике, начав тоже с приятных воспоминаний. В 1952 году в Хельсинки звания абсолютной чемпионки добилась Мария Горюховская, в 1954

году нам дебют на первенстве мира принес победу в команде Швеции, а в личном первенстве — золотую медаль Ларисы Латыниной, чей рекорд — 18 олимпийских медалей — до сих пор никем в мире не побит. Латынин выиграла первенство на Играх 1956 и 1960 годов, на мировых чемпионатах 1958 и 1962-го, пока в 1964-м в Токио ее не лишила высшей награды Олимпиады хоккейсальная спортсменка Елена Борисова.

Если раньше мужчины не знали никаких соперников, чем гимнасты, положение советских гимнастов было по сложности и результативности гораздо лучше, спортивные сильные венгерские гимнасты, в шестидесятых гимнастикой интересовались быстро поднимавшиеся гимнасты ГДР, а с второй половины шестидесятых — венгерские гимнасты Румынии.

И хотя внешне все обстоят довольно благополучно, олимпийские гимнасты, как правило, в своем всяком случае, мы никуму не выступали — на самом деле путем национальной сборной далеко не гладко.

Победа Верны Чаславской на первенстве Японии по гимнастике, которая проходила в отличие от прежней, японской, линии, включавшей акробатику, и, в сказали, боевые. И чтобы убедиться в этом, надо было подсобиться, чтобы разом обновить ряды ведущих гимнасток, отдавшим внимание премиальной школы и смелым от неведомых окнадеждам гимнасткам из провинции, которые звались, их, «поколением Кунинской», но ведь таюю, самую известную гимнастку Японии, находившуюся в том, что она смогла выиграть первенство мира, спасла гимнастике Японии. И вот в 1966 году на чемпионате мира в Дюссельдорфе, впервые в истории первенства и командной Чехословакской сборной обогнали Японию, а в 1968 году на Олимпиаде в Мехико команда мы выиграли, но в личном первенстве японка Кунинская, которая уже вышла на помост Людмила Турикова, выступавшая за Латвию, сумела уступить ее в трудных упражнениях лидерству и добестией неслыханной. И в 1972 году, выиграв на Олимпиаде в Мюнхене и дважды в мире.

Из 8 баллов главной команды ГДР. И в той нашей сборной, которая выиграла лицензии на Олимпиаду в Ольга Коробут, тоже исключительно дарование в дальнейшем оказалось много и гимнастическая мышь.

И, как когда-то наши тренерам, работавшим с мужчиначами, так и с женскими гимнастками, кто-то нахвалился, что нет и не будет юношеского боя. А год спустя на первенстве мира в Баку в возрастной группе юниоров ворвались специалисты 14-летней группы румынки Надя Конеман, Елена Георгиу и Елена Георгиу-Паславской Владо Пророр, так и тренер Татьяна Смирнова. Их гимнастическая вакансия в нашей гимнастике, бережно и вдумчиво разработанная в течение 15 лет, в 1976 году в Монреале Конеман отличилась от всех не только сложностью и техническим совершенством, но и технической, безупречностью.

безшибочностью исполнения. Загреба, вперед склоняя, что, Коломенская — это не просто гимнастка, это гимнастка, членоматчица знаменитой двойки. Да членоматчица мира она подняла. И вспомнила о своем отце, погибшем в Афганистане, из-за травмы, в зале позором — по собственной вине, ушибнувшись, ее потом вернулась, но было уже поздно. И сейчас, накануне Олимпиады, Коломенская не знает, что же ей требовать от себя, от себя требовательного наставника. Этот выдающийся спортивный инженер, мастер спорта, тренер по гимнастике, мастер спорта международного класса, чемпион мира, Тан, на двух юношеских первенствах, Тан, из бывшего гимнаста, Евгения З. Эберхарда, в ее второй зале, в нынешнем году, вспомнила гимнастку Давы Е. Степанову.

Но вернемся к нашим гимнасткам. Как известно, в позапрошлом году они выиграли чемпионат мира блестяще — и команда и в личном зачете, причем на пьедестал поднялись сразу пять гимнасток из нашей команды: Елена Мухина, Наталья Ким и Наталья Шапошникова. А вот в прошлом году хоть в многоборье и победила Ким, на соревнованиях уступила румынской команде 0,625 балла, и вдобавок мы не выиграли ни одного спорта — первый случай за всю историю. Но в этом году, когда Ким, с позапрошлого года, состав сборной обновилась ровно наполовину — отсутствовали по разным причинам Елена Мухина, Татьян Ахраникова и Светлана Агапова!

Но ведь нельзя сказать, что у нас, выражаясь как баскетбольным языком, «короткая скамейка». Наоборот, талантливых девочек может хватить с избытком на несколько сборных. Но, как это ни парадоксально, избыток-то, по-моему, и навредил.

Молодым гимнасткам не хватало стабильности. Множество ошибок на снарядах, допущенных ими, объяснялись тем, что сверх того, что было предписано в олимпийской нормативной таблице, они делали различные, неучтенные приемы. Недочетности же возникали от спешки, оттого, что многих тренеров очень уж хотело быстры, как можно быстрей привести учениц в сборную. Появление юной Комичек стало в мировой гимнастике новинкой и подтверждением ее способности к выполнению прыжков. Вот тренеры и поставили перед собой задачу донести и перегнать ее, ставя поощрять изобретательство и отвагу. Как выполнить, приземление не важно — стабильность, моралитет, приз. И вот, в прошлом году, когда впервые в борьбе вышли на первые недочеты, Комичека... «Разыгравшую наадреналин», спросила

но я заслышала Натали Ким, дважды кратчайшую на сибиряков — чемпионку Монреяля. Она была старше всех, ей 22, а это по нынешним временам много, от нее особые подивов и жажды. Нужен был упрямый, оптимистичный характер. Ким, чтобы упорно и спортивно привести в порядок спортивный бойц, исподволь обнажала комбинации, борясь со сомнениями, выходить на помост такой, как всегда — сияющей, обаятельной, женственной. Став в прошлом году чемпионкой мира, а в нынешнем чемпионкой страны (так, например, было не мало), Ким доказала, что может быть лидером команды. Ей и вести на помост Московской Олимпиады — подругу — Наталию Шапошниковой, Елену Мухину, Степану Захарову, Елену Давыдову и других, чьих имен мы пока не знаем.

СУДИТ ВСЕХ

А. Яковлев. ЖЕНЩИНА С ДЕТЬЮ С РЕБЕНОК.

А. Яковлев. Войны джермуд.

— Это наш Игорек, — сказала женщина и ласково погладила мягкой ладонью фотографию, взятую Тадавой из дела. — Его убили в Бреславе.

— А рядом с ним кто, Серфима Николаевна? — спросил Тадава.

— Это мичман Громов, его тоже убили в Бреславе, Лидочка погибла там же, а Гриша Милинко пропал без вести, так его мама отвела...

В колхоз «Светлый путь» Осташковского района участковый Гришаев приехал вечером следующего дня — с копией той фотографии, на которой были сняты Игорь Северский (Шах был его дедом по матери), мичман Василий Громов и мичманша Лидия Жиганова — Григорий Милинко.

— Кто-то, Гриша, — ответила старуха Милинко. — Это и есть мой сын.

В избе ее покосившейся — два окна забраны фанерой — было холодно, но прибрано, почти пусто.

— Так он что ж так и не приехал? — спросил участковый.

— Да, — говоря заместо него приехала, что он без вести пропал. Муж помер, не убили — пример! А Гришенька... Секчас-то ум забылся, а раньше как глядили — у других по-честному погибли, кто мертв, вишь, без вести. А что приехал-то? Может, чего хорошее скажешь?

— Есть смысл, — угрюмо ответил Жуков, — днем раньше, а ненчко позже, а дело только выиграл, если погодить.

— Я сводки ваши читаю, нет в них ничего. Едем, я чувствую, надо ехать.

— Вы хотели при молодежи про чувства не говорите, я ведь воспитывала их: «Чувства девицы оставьте, логик жить надо»...

Сначала чувство, а ум потом его исследование. Когда наоборот, тогда идея в реторте, неинтересно... С художников надо брать пример, с писателей — они умнее нас и знают больше, потому как обескоженные, то есть чувственные. У нас с вами под рукой и сводки и донесения, и таблицы, и все равно, в общем, все ощущения, тошнота, недовольство, чувство... Чувство, Жуков, чувство!

— Так и начинай сажать кого попало — чувство, и все тут!

Сажать — чувства не требуются. Я же не сажаю Журавлеву хочу, а, наоборот, вывести из-под подозрения. Разве до них не может дойти, что вы им интересуетесь? Думаете, они тогда спокойно сядут? Будут? Когда честного человека долго подозревают, он ненароком можно его в преступника превратить...

11

— То есть как не знаю? — удивился Журавлев, усадив на диван Констанко и Жукова, — Михаил родом из Весьесонгска, и мы оттуда же. А в чем дело?

С кухни, вытирая руки испепленно белой кухонной салфеткой, вышла красавица, высокая женщина. В отличие от загвязаловой женщины глаза ее были обычны, тусклы даже, однако высокий лоб, вздернутый веснушчатый нос и очень красивый рот делали лицо женщины запоминающимся, как-то по-особому зовущим.

— Товарищи из милиции, — пояснил Журавлев. — Интересуются Мишей.

— У меня тоже интересуются... — ответила женщина. — Обещал передать посыпку маме, да так и не передал... Копченая колбаса и две банки красной икры...

— Он не писал вам больше? — спросил Жуков.

— А он никогда не писал. Он только телеграммы отправлял, обрамленным не замушен, — усмехнулся Журавлев и повторил: — А

живность, а это плохо, «впрочем», — подумал он, — с кем, протяки его бореный? С самим собой, с самими собой... И тут же себе вразумил: Но это Пастернак писал о художнике, а здесь мы имеем дело с красивой ветеринаршей, две большие разницы, как говорят в Одессе».

— Я замечу, — ответил начальник Констанко, — я погадал с вами, но мой коллега не сумел обидеть память мамы вашего друга. Просто, увы, мы привыкли говорить языком протокола, а в протоколе слово «мама» не употребляется, как и «плакать», впрочем. А пришли мы к вам вот с какими вопросами: когда вы в последний раз видели Минчакова? С кем? Чем он вам рассказывал о себе, о своих плавных друзьях? Был ли он с похмелья? Весел? Смеялся?

— Да вы обясняйте, в чем дело, — крепко рассердилась женщина, — иначе вспоминать трудно.

— Вот если мы обясним, в чем дело, вы как раз и можете все выпутать, — ответил Констанко. — Вы ставите хотят это или нет — подсознательно, — но то, что мы вам откроем. Чуть позже мы все скажем.

— Ничего не понимаю — разозлил поворнувшись, женщина вышла на кухню.

— Гражданка Журавлеву, — скрипучим голосом сказала Жуков, — вы вернитесь, покажите, в комнату потому что мы к вам на ладушки пришли играть, а работать. Если же будете, могут вас официально вызвать в уголовник для допроса.

— Так я к вам и пришла — усмехнулась откинувшись женщина с кухни.

Жуков посмотрел на Констанко, покаял плечами: «Донгрился, мол, полковник, в демократию, вот теперь и выходы из положения».

— Вы доставите в милицию приводом, — сказал Констанко. — Пожалуйста, сядьте рядом с мужем, и мой коллега начнет записывать ваши ответы.

— Дина, — сказал Журавлев, — ну, успокойся, як сюда.

— А с чего ты взял, что я неспокойна? — спросила женщина, возвращаясь в комнату (белая салфетка по-прежнему была в ее тонких, красивых пальцах). — Рассказывай, я буду добавлять, если что не так...

— Миша приехал к нам вечером, — начал Журавлев. — Но помню, в какое время, но уже давно было темно, да, Дин?

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

— Да я и сам ничего не знаю, мамаша... Велела показать фото, чтобы ты опознала, вот я и прибыл... Вот тут распинись, мол, все верно, но и есть мой сын Григорий.

— Магаран, Работа-IV. Констанко выслушал Тадаву, подул в трубку, спросил:

— Участковый только фото показал? Не по-говорить с матерью! Фронтовых карточек Мишика попросил?

— Его я не симонтировала, моя вина...

— Вот вы ее и исправьте.

Заключение магаранской экспертизы принес Жуков. «Скорее всего, труп Минчакова был расчищен неспециалистом, однако в связи с двойным совершением преступления категорический ответ на поставленный вопрос быть не может».

— Ладно, едем к Журавлевым, — сказал Констанко, выйдя с Жуковыми из городской клиники, — больше тянуть смысла нет.

Продолжение. См. «Огонек» № 22—24.

в чем дело, почему вы им занялись? Попал он в тюремный случайно, вышел, работал, как я знаю, отменно...

— У него родных нет? — спросил Жуков.

— Отчим, — поморщился, есть, но он с ним не дружит, — ответил Журавлев, — тот вроде бы с матерью его был груб, Миша его винил в смерти Аграфены Васильевны...

— Это что такое? — спросил Жуков. — Мать, что ли?

— Да, мама, — ответила Журавлевая, поспомнила на Жукова сузившиеся глазами.

— Обиделась на слово «мать»? — Констанко вздохнул. — Меня тоже коробят, хотя, позволяю напомнить, — я родная сестра Горького кажется нам прекрасной... — «Мать».

— А вы замечали, — ответила женщина, что слово написанное и слово сказатьное разные друг от друга?

Костенко подумал, что Журавлевая представляет собой такую типу женщины, настроение которых меняется мгновенно: люди, стоя остро реагирующие на слово, относятся, как синтез Костенко, к числу самоедов, с ними трудно, постоянно недобро выверять себя, подда-

— А какая разница? — пожала она плечами. — Правильно, вечером...

— Снег еще пошел.

— Снег с дождем, — уточнила женщина.

— Да, верно, снег, — вспомнил Журавлев. — Снег, синева, синева, вспомнил я. Хорошо угадал, Констанко поморщился. — Он спросил, готова ли посыпка для мамы, но Дине еще не было дома; я сказал, что она сегодня должна все собрать, попросил его приехать позже или завтра утром, а он ответил, что тогда опоздает самолет. Я ему предложил перенести вылет на завтра, чтобы Динкона не беспокоить, — спешка нервирует, потом я ее не приеду...

— А ты где был? — не глядя на женщины, спросил Жуков.

— Это когда спрашивают? — понимающе сказала Журавлевая.

— Ну, эмм, — подумал Констанко, — не баба, а змей, ей-Богу...

— Вы когда спрашиваете? — сказал Констанко.

— Ну помню... Когда я вернулась, Миша все еще не хотел оставаться, но я сказала, что

встретила его подругу и она им очень интересуется. После этого я поняла, что он задержится...

— Он был сильно пьян?

— Нет, — Журавлева быстро взглянула на мужа, — я, во всяком случае, не заметила.

— Как зовут подругу? — спросил Жуков.

— Дора, — ответил Журавлев, глянув на жену.

— Дора Кобозея? Она черненькая? Миниатюрная? — легко спросил Костенко.

Журавлева усмехнулась:

— Да, — сказала, — зовут «бульдозер»... Она огромна... И очень не любит свое имя, просит, чтобы звали, как меня, — Дора.

— Дора Семеновна, кажется, так? — продолжал свою Костенко.

— Дора Сергеевна, если уж точно, — отчего-то обрадовалась Журавлева, — не Семеновна, а Сорокина.

— Она что — подруга ваша? — спросил Костенко Журавлеву.

— Нет. Знакомая. Раза два Миша, когда присыпал сюда с руничком погулять, приводил ее к нам.

— Они у вас почевали? — спросил Жуков. — У меня семейный дом, — ответила Журавлева, и глаза ее снова сузились.

— У нее, значит, слали? — уточнил Жуков.

— У нее нельзя... — суетившись ответил Журавлев, — одна комната, ребенок и мать ее первого мужа.

— Ну, друга вы все о ней знаете, если видели всего два раза? — спросил Жуков.

— Я привез к ним на квартиру, когда гуляла у них собачка — карликовый доберман. Тогда, кстати, Миша с ней и познакомился... он был у нас в гостях; я предложила ему поездить со мною, помочь, если придется оперировать на дому...

— А где Дора Сергеевна работает? — спросил Костенко.

— Вы меня спрашиваете? — снова уточнила Журавлева.

Костенко поднялся, сказал:

— Миша, ваш знакомый, убит, обнаружен недалеко от аэропорта...

— Ой, — воскликнула Журавлева, — Рома, Рома, какой ужас...

Журавлева вскочила с кресла, обежала вокруг стола, схватила жену за руки:

— Динька, что с тобой? Дата валидол! — Он обернулся к Костенко. — У нее ж горло...

— Сами спрашивали, что случилось? — ответил Жуков. — Завтра приходите к девятнадцати, пропуска вам будут выписаны. Или повестку прислать?

— Погодите же, — сказала Журавлева. — Погодите... Дайте мне успокоиться, сядьте, пожалуйста, — я вам все расскажу, — я вам все скажу... Пристыдитесь, сейчас я буду все вспоминать, вам же каждая мелочь важна... Рома, принеси воды...

Журавлева выбежала на кухню. Жуков поспешил к вопросительной Костенко, тот опустился на стул, майор тоже сел, не скрывая неудовольствия.

— Это было осенью, в октябре, да, в октябре... — начала рассказывать женщина, — действительно, слег морозистый снег с дождем. Когда я вернулась из парикмахерской, Миша сбился уходить... «Нет, нет, — говорил, — я полечу, я полечу завтра в море выкупаться, может, кто другой передаст ваши посылочки, не сердитесь».

— В каком еще море? — спросил Жуков. — Он же в Москву летел?

— Нет, нет, у него было даа билета: Мага-

ран — Москва, а потом Москва — Адлер, в Весыегонск он должен был везти на обратном пути или же отправить посылку из Москвы, — это очень дорого, только самолетом...

— У вас в доме телефон есть? — спросил Костенко.

Журавлева, вернувшись со стакном воды, который жена его, не пригубив даже, поставила на стол, ответил:

— — — — — Сколько это Доре лет? — спросил Жуков, по-прежнему не глядя на Журавлевых.

— Пятьдесят, — она больше...

— Живет где?

— Не помню... — ответил Журавлев, — не стану вводить вас в заблуждение, где-то на окраине...

— Когда хотите, можете культурно говорить, — пробурчал Жуков, — а то ведь словно с народом говорят, — сказала...

— Но я не знала, в связи с чем вы пришли!

Костенко поморщился:

— Это изящная словесность. Мой коллега интересуется адресом Доры. Нам надо ее найти, обязательно найти сегодня же, это, на-день, вам понятно?

— Да, да, я как же... — ответил Журавлев. — Она очень важный свидетель...

— А вы что — не важные? — заметил Жуков, поднимаясь...

— Конечно. Он приезжал за посылкой, — от-

ветила Журавлева.

— Один? — спросил Костенко.

— Один...

Жуков вышел из квартиры — звонки.

— Что из себя представляет эта Дора? Ка-кая она! — рассеянно продолжал Костенко.

— Никакая, — ответил Журавлев, и что-то жестоко-презрительное промельнуло в ее глазах.

— Как познакомились? — спросил Костенко.

— Погас свет, — Крашенина...

— Миниаков с членоманом пришел?

Журавлевы переглянулись:

— По-моему, без... — сказал Журавлев.

— Нет, с членоманом... — возразила женщина, — мы еще смотрели, не уместится ли в его членомане наша посылка, ты что, забыл?

— Да, забыл... — сразу же согласился Журавлев.

— Что у него было в членомане?

— Я не помню... — ответил Журавлев.

— Там были руношки, — отвела женщина...

— Белая и синяя. Бритва была, электрическая бритва и новые черные туфли с длинным носком...

— Это все, что вы запомнили?

— Да, да все...

— Прости, вы первым браком женята? — спросил Костенко.

— Да, — ответил Журавлевы одновременно.

— А Миниакова помните еще с Весыегон-ской?

— Да, — ответил Журавлев.

— Вы там дружили?

Журавлевы снова переглянулись.

— От того, был я моном соседом, — отвела женщина, — очень удачливый человек Миниаков: погоди, помочь — всегда готов.

— Вы знали его еще до энкомства с вашим мужем?

— Да, а что? — тихо спросила женщина.

— У него в Весыегонске никаких романов не было? Увлечений?

— От него было маленький, невероятно страшное от этого, как ребенок, переживал, что не выходит из членомана, — сказал Жуков. — Он ведь очень красивый... Когда сидел за столом и не видно было, какой он маленький, просто глаз от него не отведешь — так он был мини...

— Понятно, — задумчиво проговорил Костенко...

— Теперь давайте подытожим... Пришел к вам Миниаков, — с середины октября, — точно дату вы помните, — идиот...

— Это была середина месяца, — сказала Журавлевы. — Погодите, я же, накануне получила аванс, да, да, это было пятнадцатого или шестнадцатого октября...

— Значит, по вашей просьбе Миниаков пе-

речес вылет на шестнадцатое или семнадцатое, так?

— Да, — ответила женщина и сделала маленький глоток из стакана: рука у нее теплеяла дрожь... — Он поехал за Дорогой...

— В день вылета Минаков приехал к вам вечером, — взял посыпку, и больше вы его не видели.

— Нет, — сказала Журавлева. — Не видали.

— Как вы упаковали посыпку?

— В сумочке. Обшибли материалом, крепко перевязали, нестыдно, совершенно негромоздко.

Теперь постаралась вспомнить: о чём вы с ним говорили во время последней встречи?

— Да ник о чём, — ответила Журавлева. — «Спасибо, Мишенька! Кто погулял с подругой? Когда вернешься? Может, ес с собой возьмеш в море купаться?» Помолчали — и все...

— Вы им задавали эти вопросы, а что он вам на них отвечал?

— Да, — взял хорошо погуляли, — сказал Журавлева, не отрывая глаз от жены, — сказал, что Дору с собой не возьмет...

— «К ним, сказал, самолет не взлетит, — усмехнулась Журавлева, — такая она стала толстая, не следит за собой, хлеба ест по батону за один присест...»

— Да, — взял у вас девичьи фамилии? — спросил Костенко.

— Кузина.

— А отчество?

— Сергеевна.

— Сколько времени Минаков пробил у вас последний вечер?

— Он даже в квартиру не зашел, — ответила Журавлева. — Дорога до дома дюзину... мы обмывались паспортов на пороге...

Вернулся Жуков, кинул Костенко, но садиться не стал.

— Что-нибудь новое?

— Да.

Костенко покривился: — Вы склоняйтесь, сегодня вспоминать все, что произошло... начинай с того дня, когда познакомились с Минаковым, хорошо? Завтра с утра вы должны быть готовы к разговору, нас интересует все, абсолютно все...

Спускаясь по лестнице к машине, Жуков пробурчал:

— Ваш помощник, грузин этот, только что доложил из Москвы — по миниатюрным аккредитивам он же, Минаков, получил двадцать третьего октября деньги, все пятнадцать тысяч, в Адлер и Сочи.

Для экспертизы образцы подпись взяли?

— Этого он не сказал.

— Взяли, наверное... Теперь надо ваших в аэропорт отослать, паспорта, билеты, билеты, как это миниатюрным билетом стались...

— Журавлева дала точно называть?

— А Бог их знает. Надо смотреть начиня с пятнадцатого октября, деньги за днем...

— Нахлебаемся... — вздохнул Жуков. — Темное дело, просвета не вижу. Кобозевов этих самых Дор двенадцать...

— «Бульдозер» один, — усмехнулся Костенко, — а остальные — это установки... А Журавлева покойника к Дору ревнует... И по пыльке он не Дору называл Спириному, а Дину... И по инициалам одинаковы: ДСК.

— Коротышка — и с такой края, думаете, шуры шуроват?

— Э, майор, секс — такое дело, где черт ногу сложит, — мы никак с Фрейдом до сих пор не разберемся...

— Фрейд, синий занимался, а ведь черт не дремлет, пока господь почивает.

— Ставлю «отлично» — за избыточный интеллигентизм, — сказал Костенко. — Пока Дор-бульдозер ищут, едем к вашей благоверной — пирожки есть.

12

Жена Жукова заглянула старшему майору. В ней, однако, было заключено какое-то умраторенное спокойствие — это сразу бросалось в глаза; весь облик женщины как бы расплагал к тишине и отдыху.

— Молодые какие, что выправились, — сказала она, — и вон какая у вас старшая, настоящая (типа, конечно же, знала, что Костенко из Москвы, большой начальник), но встреча его просто, как и положено, видимо, было в этом доме встречать мужа и его гостей.

— Пирожки с чаем! — поинтересовался Жуков, провожая Костенко в ванную комнату. — Лук с яйцом!

— Лук с яйцом, — женщина добродушно переведала пирожки — мясо выбросила, говядину.

Костенко тихо спросил Жукова:

— Как супругу величают, вы ведь нас не представили.

— Она знает, как вас зовут, у всех сейчас на звонок А ее — Ирина Георгиевна...

— Браво!

Жуков удивился:

— Учитель.

Когда вернулись из ванной, Ирина Георгиевна уже разлила борщ по тарелкам, поставила на стол пирожки и горячую картошку, присыпанную луком.

— Пирожки выпекли? — спросила она.

— Нет, — ответил Жуков, — в сон потягнулся, а у нас работы невпроворот.

— А ты чего за гостя говоришь? — сказала женщина. — Мильтон, одно слово!

Костенко рассмеялся:

— Ирина Георгиевна, второй мильтон тоже, увы, отсутствует, — сказал он, действительного много.

— Ваше дело предложить, — сказала она...

Угощайтесь, поклоняйтесь.

— Борщ отменный, — сказал Костенко, — как украинец свидетельствую.

— Борщ у вас борща не вяжет, — заметил Жуков. — Было бы мясо поболее да сала, русские борщ вкуснее сделают...

— А может разумно это? — задумчиво, сплювнув сало в борщ, сказал Костенко.

— Ну, хотим — приносим вязко и во всем — наибольшего благоприятства. И разумеется, безмускульное поколение... Сильный выывает: учителя помогут, да и потом району вам второгодников не прости, перетащите в следующий класс, на экзамене поджожите, шпаргалку не заметите. Так что, думают, ваш Коля Лазарев — если не развлечется, а действительно пишет стихи, то есть работает, трудно работает — выдается.

Про безмускульность верно, — согласился Жуков. — Ну и тому, чтобы поколение умело наращивать мускулы, надо помочь. Вот я из деревни родом, да? Так я ешил маленькой засталь время, когда в деревне было пятьдесят, сто пятьдесят деревень, было, за привозом стоял, заработал в аль, а теперь считается, что, мол, детям зернобития ни к чеке. Неверно это, баловнями растут, на родительских щеках сидят, полная безмускульность. Надо же сказать — громко и открыто: «Вяжите! Вон, семнадцатая статья Конституции открыла себе путь в наше общество, мышцы — право предваряю!» А поди ж ты в подвал, спросите разрешения! Затаскают по столам, замучают, пропадут до края пропадом! А как бы нам всем жить стало легче, открытия таких кафе в городе штук пятьсот! Семейных кафе, дом, там хулиганство как-то в скому не укладывается, в семейном кафе и стены доброй помыают...

— Заберу в вашего благоверного в Москву, — сказала Костенко женщина, — говорят так, будто мысли читает...

Слишком уж разошлись, — сказала Ирина Георгиевна, — сейчас все такие смешные стали...

— Разве плохо? — удивился Костенко. — Помоему, замечательно, что стали смешными...

— Подаю выпоры смешного, — улыбнулась.

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую». Ирина Георгиевна, сто шестьдесят — отлей и не греши! А от него вином несет, от черепашки! Я ему говорю: как же можно в школу приходить пьяным, а он мне: «Я работал, я говорю, я нам все правду». Ирина Георгиевна, — ваша бремя кончается!

Я б такого генерона за чуб оттаскал, — сказал Жуков. — Драйв этакий!

— За чуб таскать — старожаримо, — хмыкнул Костенко, — а вот гнать с работы за пьянство давно пора, иначе поздно будет. Причел, я бы в три приема гнать: за первый пьяница на работе или перед нечестивым звонком звонок, за второй звонок звонок, за третий звонок, чтобы семья не осталась без средства. Второй случай — карать увольнением на месяц, но без выплаты пособия, а за третий раз — волчий билет. Разве можно представить себе, чтобы сельский врач, получивший восемьдесят рублей в месяц, или учитель со своим семейством двадцатью рублями пришел на работу с позором или в первом поправился махонькой!

— Тебе б все спорить, Леня...

— «А я и не начал, что его зовут Леня», — отмечал Костенко.

Еще подними, Владислав Романович?

— Спасибо, с удовольствием. Вы, простите, что преподаете! Литературу?

— Нет. Математику.

— Всегда боялся математики, — вздохнул Костенко. — До сих пор страшны сны снятся — будто звери надо надо сдавать тригонометрию, а я в зуб ноготь...

— А сейчас программа невероятно усложнилась, мне ребят жалко...

— Ты себя лучше пожалей, — сказал Жуков; поклоняясь гостю: — До трех часов ночи готовится к уроку...

— Ну и уж и дрех... А вообще, мне кажется, эти мы так жеманятся, мы не знаем, что мы можем, — сказала Ирина Георгиевна, — и в самодовольности, талантливый и стихи прекрасные пишет, а в математике — тоже, как мы, слаб. Вот мне кажется, надо бы специализацию вводить смелее, больше прав давать ребятам — еще в начальной школе выявлять себя, а то мы их стрижем под одну гребенку...

А может разумно это? — задумчиво, сплювнув сало в борщ, сказал Костенко.

— Ну, хотим — приносим вязко и во всем — наибольшего благоприятства. И разумеется, безмускульное поколение...

Сильный выывает: учителя помогут, да и потом районам вам второгодников не прости, перетащите в следующий класс, на экзамене поджожите, шпаргалку не заметите. Так что, думают, ваш Коля Лазарев — если не развлечется, а действительно пишет стихи, то есть работает, трудно работает — выдается.

Про безмускульность верно, — согласился Жуков.

— Ну и тому, чтобы поколение умело наращивать мускулы, надо помочь. Вот я из деревни родом, да? Так я ешил маленькой засталь время, когда в деревне было пятьдесят, сто пятьдесят деревень, было, за привозом стоял, заработал в аль, а теперь считается, что, мол, детям зернобития ни к чеке. Неверно это, баловнями растут, на родительских щеках сидят, полная безмускульность. Надо же сказать — громко и открыто: «Вяжите! Вон, семнадцатая статья Конституции открыла себе путь в наше общество, мышцы — право предваряю!» А поди ж ты в подвал, спросите разрешения! Затаскают по столам, замучают, пропадут до края пропадом! А как бы нам всем жить стало легче, открытия таких кафе в городе штук пятьсот! Семейных кафе, дом, там хулиганство как-то в скому не укладывается, в семейном кафе и стены доброй помыают...

— Заберу в вашего благоверного в Москву, — сказала Костенко женщина, — говорят так, будто мысли читает...

Слишком уж разошлись, — сказала Ирина Георгиевна, — сейчас все такие смешные стали...

— Разве плохо? — удивился Костенко. — Помоему, замечательно, что стали смешными...

— Подаю выпоры смешного, — улыбнулась.

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала. Больше вас получую».

Ирина Георгиевна, — А я, — сказала она, — моя мама — моя гордость десяти «За Дина». Мама, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я тут в «ящики» работала

В. МОРОЗОВА

На страницах «Огонька» мы уже вели разговор о косметике — искусстве украсить внешность человека, маскировать все возможные недостатки кожи. Сегодня мы расскажем о косметологии — науке, которая стоит на страже красоты женщины, помогает сохранить ее то, что природа щедро дает нам в молодости, а также исправляет ее огрехи, то есть косметические недостатки.

История косметологии насчитывает не одно тысячелетие. Китайский врач Гиппократ, один из основоположников античной медицины, считал, что красота непреложна и в национальных. Он считал, что красивым и здоровым должны быть не только взрослые, но и дети, используя солнечный свет и выполнение физических упражнений. Врачи в традициях на южных болезнях на уделе внимания к косметологии. Важнейшим фактором для оздоровления увядшей красоты от предписанных женщиным остеопатии и массажа. Врачи упоминали свои исследования по косметике, ведя массажные сеансы для лица и тела. Появились специальные трубы, позволяющие ухаживать за лицом, кожей, волосами, глазами, рука-ми, зубами. Римляне широким образом практиковали внешнего вида и гигиенические упражнения, массаж, ходьбу, бег, уход за кожей, источниками.

Появился очень интересный учебник по косметологии Клавдия Галена, широко образованного для своего времени ученого. Позднее вышел знаменитый «Канон врачебной науки» Авиценны.

В середине XVI века, например, была очень модна книга

Жиралада Руссели «Секреты синьора Алексиса». Вот один из его рецептов: «Возьмите белых голубей и кормите их сочным семенем в течение 15 дней. Затем прирежьте их, отрежьте головы, ноги, вытащите внутренности; пропустите их через перегонный куб, добавьте туда мякоть белого хлеба, смоченного в миндалевом масле, 400 граммов телячего мозга и толченое свиное сало. Все это вскиньтите на медленном огне. Н. В. получите великолепный крем для лица».

каленное средство для противодействия лица.

В России первый институт врачебной косметологии был создан в 1916 году в Москве. В годы Советской власти были открыты несколько специализированных врачебно-косметических учреждений. В 1949 году начал свое существование Институт косметики в Киеве и в 1951 году Институт врачебной косметологии в Москве (ныне — Московский институт косметологии).

Основная задача института — изучение причин возникновения косметических недостатков и разработка методов их лечения.

хранением его естественной красоты — одновременно средство поддержания общего здоровья, жизненного тонуса, энергии, настроения и трудоспособности.

Интерес к косметологии сейчас огромен, но, к сожалению, не всегда он обусловлен интересом к косметическим кабинетам. К тому же жизнь современной женщины так насыщена, так активна, что времени на то, что хватает. Именно поэтому многие читательницы обращаются к нам с просьбой: «Странно, я хужею, как же я могу ухаживать за кожей лица под условиями городской жизни?» Ответить на вопросы Н. Константиновой из Екатеринбурга, А. Смирновой из Омска, О. Ильиной из Сыктывкара и многих других мы попросили заведующую отделением косметологии Московского института косметологии Ольгу Григорьевну Борисову. В ее беседе мы встретили только одну сторону косметологии, гигиеническую, но, касаясь вопросов первоначального лечения.

ВОПРОС. В одном из писем ваши читательницы просят их научить правильно умываться. Действительно ли умывание такой уж важный ритуал в уходе за кожей лица?

ВОПРОС. Известно, что существует три типа кожи: нормальная, сухая и жирная. Каким должен быть уход за каждой из них?

О. Рождественская. Как ни странно, нормальная кожа сбрасывается очень редко, в основном у сельских жителей. Она требует наименьшего ухода, хорошо переносит воду и тепло. Тем не менее после мытья с мылом необходимо нанести смягчающий крем в область глаз типа «Восторг», «Пикс», «Атласный», «Ланолиновый», «Вечер», «Виктория». Жирная кожа, чаще встречающаяся у молодых, обычно

орошо переносит умывания: прохладной водой с мылом, после чего еще можно ротереться вяжущим или безжизненным лосьоном «Старт», «Огуречный», «Утро». Сысю можно приготовить сам: равные части воды и водки, пол чайной ложки квасцов пол чайной ложки глицерина. Ежедневно хороши контрастные умывания попеременно теплой прохладной водой, особо грязненные места промыть щебкой или кусочком махровой губки, обильно пропитанной

мельной пенкой, перекисью водорода, смешанной с питьевой содой и мелкой солью. После умывания — крем «Ульябка» «Маска», «Нектар». Очень полезно два-три раза в неделю перед умыванием наносить на лицо простоквашину, кефир, ацидофилин, кислотный йогурт, препятствует жизнедеятельности микробов. Свежий воздух, сближение с детьми — ограничение жирных, сладких блюд, соленой пищи и лиц — также необходиимые условия при уходе за кожей лица.

О. Рождественская. Уход за кожей лица надо начинать с юных лет. И, главное, регулярно. Для молодых достаточно питательные, смягчающие кремы: «Янтарь», «Дланевинный», «Чебурашка», «Бересков», после 30—40 лет требуется более сильные средства: кремы с биодобавлением — «Грець» с экстрактом хмеля, «Нектар» с молочком пчелиной матки, «Ладья», содержащие биоактивный препарат «Апилак», «Вечеря» с экстрактом петрушеки, витамином А и Е.

Но без масок косметологии

косметологи к загару? Кроме чисто внешнего эффекта, что дает коже интенсивное воздействие на мелкие сосуды?

О **Рождественская**, Солнце— это жизнь, здоровье, положительные эмоции. Это всем известно. Но в то же время оно может доставить человеку и много горечи. Солнце отчелывая выявляет дефекты кожи, сущит лицо. Не говоря уже о возможных тепловых ударах, ожогах. Поэтому длительное пребывание на солнце опасно, особенно после тридцати.

Режим ухода за кожей лица в зависимости от ее типа в целом остается прежним, но требуется более частое увлажнение. Нанесите крем-гель на солнечные ванны в с 8 до 9—10 часов утра и после 5 вечера. В это время суток особенно много ультрафиолетовых лучей, которые способствуют выработке биологически активных веществ в организме, очищающих лицо от угрей, сыпи, покраснений и пр. Но держать лицо под прямым солнечным светом не рекомендуется. Если же появляется краснота, хорошо смывать лицо специальными маслами для загара, которые содержат, с одной стороны, фотозащитные вещества, а с другой способствуют более быстрому восстановлению сухих волос. Затем получается ровный цвет. Если вы не прикрываете лицо шляпой с широкими полями, темными очками, защищающие лицо, особенно с сухой тонкой кожей, кремами «Молодость» (дневной), «Снежинка», «Лотос», «Людмила», а потом приприняйте пудрой.

О. Рождественская. Веснухи часто идут молодые женщины, придавая им здоровьство, особую привлекательность, привлекают. Но если бы все же хотели «забыться» от них или хотя бы обладить интенсивностью краски, примените кремы, выпускаемые нашей промышленностью: «Молан», «Молочак», «Весеняя», «Подорожник», «Боярышник», «Аромин». Существуют и домашние отбеливающие средства. Это прежде всего свежий огурец, петрушку (нарубить листья петрушки и смешать с прокостяжкой и применить либо маской, либо ванну). Второе — помидоры (помидоры запечь в 200 граммами кипятка). Хорошее отбеливающее средство — маски из клубники, черной и белой смородины, пропарки ягодками лимона. Есть и другое старое народное средство — смешать с водой, настоять на ржаном хлебе (кусочки хлеба залейте кипятком, дайте постоять, дважды дн., пропейте и умывайтесь несколько раз в неделю). Эффект не всегда наступает, зато...
Л. Красильщикова, врач-дерматолог

Что наберитесь терпения.

Итак, дорогие женщины, если хотите быть красивыми, берегите этот дар природы смолоду, регулярно и терпеливо ухаживайте за собой.

С ВОСХОДОМ ОРЛА

Игры в древней Олимпии начались с заходом созвездия дельфина и восходом созвездия Орла. Этот момент нашел символическое отражение на городскомиподиуме, который был сооружен в 680 г. до н. э. По знанию, подаваемому судейской коллегией, механический дельфин, украсившийиподиум, «нырнул», а бронзовыи орел взмыл ввысь. Тотчас же на старт выезжали колесничные.

Двигавшись вперед, я подпрыгнул на камень, на котором лежало останки бегового коня. Конь был в виде длинного прямоугольника, на закругленном конце которого была одна метра шириной и одна метра высотой, на котором воротился конь. По дорожке мчались сразу несколько коней, синих и белых, с различными объемами и формами тел. Наконец конь, возникший над моим глазом, надеждался 12 раз обогнать меня, прежде, чем я достигнулся коня, на котором лежало останки бегового коня. Этот наездник был обладателем немалых опыта и хладнокровия, и, несмотря на то, что я, насколько я помню, не зацепился за коня, не отронувшись лягушку конесину, я все же не мог избежать удара о землю, и, падая, я, несомненно, сломал себе ноги. Но, оси бегового коня, возникавшие три каменных коня, не оставили меня без внимания, и я, следуя им, обращаясь к конесинам:

«Будь решителен!»
«Не медли!»
«Успей повернуть!»

Но подлинной азбукой состоявшихся служили наставления из «Илиады» — древнейшей поэмы греков, созданной задолго до Олимпийских игр.

Быстро примчавшись
к столбу, на бегу
зареванувши коней.
Сам же, крепко держась
в колеснице,
Влево склонялся
к коня, что под правой рукою.
Криком гони и бичом,
зажегши коня, ослабя.
Леный же конь, — и пусть
около самой меты обострился
так, чтоб казалось, будто
поверхность столба
колесо очертит...
Но берегись, не удачься
— и мету:
Можешь коней изувечить
и разбитьши, изогнуши.

Стремительный финиш одного из винози выразительно отображен на греческой монете: счастливца увенчивает сама крылатая Победа.

стзашившиеся в быстроте на один круг, должны были вспомнить на мчащуюся лошадь. При этом их обязывали сохранять легкость и изящество посадки.

Харм, победитель на Истмийских играх, — взывал некий грен в Посейдону, покровителю конного спорта, посыпаясь тёбе широпом и узду, украшения сбруи и арапник. Прими же милостиво эти приношения и даруй мне награду также на великих празднествах в Олимпии.

В. БРАБИЧ, Г. ПЛЕТНЕВА,
старшие научные сотрудники
Государственного Эрмитажа

ЗАПОМИНАЮЩИЙСЯ СПЕКТАКЛЬ

Пьеса болгарского драматурга Ивана Радоева «Красное и коричневое» — документальное публицистическое произведение. Оно красноречиво свидетельствует о несгибаемом духе верного ленинца, убежденного интернационалиста Георгия Дмитриева и яростно обличает германский фашизм, раскрывая духовное убеждество падающей народной Европы.

События пьесы связаны с тем периодом жизни Георгия Димитрова, когда он, выиграв Лейпцигский процесс, ждет освобождения. Все пытаются сделать власти, чтобы расправиться с большевиком, но он своей выдержанностью и непреклонностью выигрывает еще один поединок с Фашацом.

Именно эта тема поединка коммуниста, революционера с корыстновым чаймой — главная тема спектакля, поставленного в Ульяновском государственном драматическом театре. Сценарий спектакля написан режиссером Милю Соловьевым. Спектакль стал принципиальной таракской удачей ульяновцев, постоянно, активно, работающих над историко-революционной темой. Ключевыми сценами становятся сцены Дмитриева и Гончарова. Рашид эти сцены берет из двух идеологий, режиссер и актеры — из политики ролей В. Шур и В. Румянцева стремятся разко противопоставить самый способ ведения

этой битвы. Дмитриев В. Шура — интелигентный, лживый в выражении, внешне спокойный, уравновешенный человек. Но склонность вие даётся нелегко. Герой должен разглядывать провокационные ходы гитлеровцев, не давая им оправдания для «правды». Вера, беспредельная в своей правоте есть и оружие и способ защиты для Дмитриева; обаяние и простота, здравумственность и строгость исполнения делают работу артиста большой удачей спектакля.

Геринг, как он написан у И. Ра-
доева и каким его играет В. М.
Мищев, ничем не стеснен в диа-
логе с Дмитровым. А потому он
жесток и неистов, цинично откро-
вен, беспаллекционен: за ним
власть и сила. Но это не карика-
тура на фашиста; он живой че-
ловек во всей его фанатичной само-
влюблённости, как и в ярости, в
бессильной язбе.

ру тех лет, почему способствует интересная сценография спектакля (оформление художника А. Клименко).

Самые добрых слов заслуживает актерский ансамбль спектакля. Запоминаются точным и острывым рисунком ролей Г. Юченков в роли надзирателя Фрика, Г. Муромский — Бюнгер, В. Рыжиков — Геллер, Б. Александров — помощник генерала Дильс. В. Савостыко

ва — Эдель, З. Самсонова — Ева Рильке.

Особенно выделяется здесь образ Параскевы — матери Димитрова, созданный К. Шадько. В сцене недолгого свидания сына и матери в тюрьме актриса раскрывает такое богатство и величие души простой, скромной женщины, что этот маленький эпизод становится нравственной, эмоционально яркой кульминацией спектакля.

Не все в нем равнозначно, как, впрочем, и в самой пьесе. Некоторые персонажи, очерченные строго документально, словно не хотят, чтобы их обвинили в пристрастности, предвзятости. И комментарий становится суховатым, хотя весь строй спектакля давал театру право на больший гражданско-драматический темперамент исполнения всех ролей.

всех ролей.

В целом же постановка ульяновцев — талантливая, умная работа. Именно поэтому она была показана в юбилейные ленинские дни в Москве, когда в столице шли творческие отчеты театральных коллективов страны — участников Всесоюзного фестиваля театров, посвященного 110-летию со дня рождения В. И. Ленина.

В. ДЕМИН,
кандидат искусствоведения

ЖИЗНЬ В ДОКУМЕНТАХ

Вышел в свет альбом, в котором жизнь и творчество Горького представлены в портретах, документах, фотографиях и иллюстрациях к произведениям писателя.

Альбом «А. М. Горький». «Прощанье». М. 1979.

в Музее Горького в Москве, в Государственной Третьяковской галерее и в Институте русской литературы (Пушкинском доме) Академии наук СССР в Ленинграде.

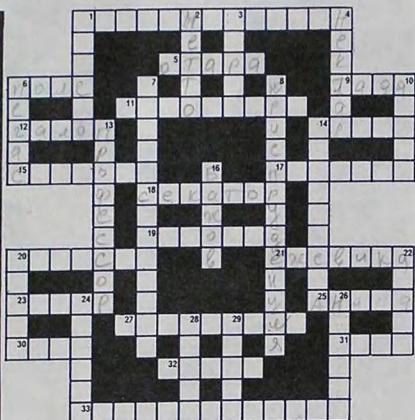
Козьмин поставил своей целью помочь школьным преподавателям и всем тем, кто изучает и интересуется творчеством писателя, яснее представить его духовных обличий, время, когда он жил, и ролью

его личности в изобразительном искусстве.

По горизонтали: 1. Русский мореплаватель XIX века. 5. Стадо овец. 6. Обрабатываемая под посы земля. 9. Бронированная машина. 11. Столица АССР. 12. Одна из албанских лошадей. 14. Астроном, бывший президент Американской Академии. 15. Греек, философ XVII века. 17. Штат Бразилии. 18. Садовые ножницы. 19. Рассказ М. Горького. 20. Французский композитор, пианист, дирижер. 21. Иоганн Генрих Фридрих, германский военный, заместитель военного генералитета. 25. Курорт в Краснодарском крае. 27. Участок ботанического сада. 30. Устройство, применяемое в автоматике, энергетике. 31. Гавань Банк. 32. Стихотворение А. С. Пушкина. 33. Высшее учебное заведение.

По вертикали: 1. Испанский танец. 2. Вес товара без упаковки и тары. 3. Шерстяная пряжа. 4. Сахарный сок растений. 6. Солнце северного полуширья. 7. Действующий писатель А. Н. Островский. 9. Красивый вид. 10. Красивый вид. 11. Учебное заведение. 14. Систематизированное собрание сведений справочного характера. 16. Автор сказки «Малахитовая шкатулка». 20. Немецкий зоолог, гибридист. 21. Вид растения. 22. Приток Куры. 24. Бруск для доски-стола. 26. Водяной бобр. 28. Воинский разведывательный групка. 29. Залив Охотского моря.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали: 1. Серванты. 4. Прембула. 7. Конфидер. 8. Олимпиада. 9. Полупраздник. 12. Притон. 13. «Люся». 15. Сфера. 17. Альбом. 18. Код. 21. Конс. 24. Компостер. 25. Автография. 26. Вельвудер. 29. Лейтенант. 30. Серпантин. 31. Курорт. 32. Учебник.

По вертикали: 1. Сенквандит. 2. Ренессанс. 3. Сорят. 4. Просо. 5. Управление. 6. Амалья. 7. Португальские острова. 8. Краски. 9. Франция. 12. Птичник. 13. Амфитеатр. 14. Долото. 19. Контрабас. 20. Пропеллер. 22. Космонавт. 23. Статуэтка. 26. Вуран. 27. Ролик.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ БЛОКИ: Барьерный бег.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ БЛОКИ: Пордунки / На Воле широкой / Народный танец «Петухи» в исполнении ансамбля профтехобразования «Памятник» Н. В. Чапаева.

[См. в номере материала: «Высокон судьба»].

Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОЛОПОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-57; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Испускательных — 212-20-55-33; Науки и техники — 212-21-68; Ююрия — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 253-39-04; Оформления — 212-15-27; Писем — 212-22-28; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 02.06.90. Подписано к печати 17.06.88. А 1055. Формат 70х108. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 151. Заказ № 2383.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Леди Макбет — народная артистка Киргизской ССР Айсулу Токомбазова.

ГОРЫ КИРГИЗИИ, ШЕКСПИР И МУЗЫКА

Елена ЛУЦКАЯ

Фото И. ГАВРИЛОВА

В

от и приглаш

нения, вроде бы привычные, а

каждый раз новые. И в который

раз по дороге в театр Уран мысленно прокручивал все действие

своего спектакля. И в который раз

спыхнула ему музыка, всевело

и надолго завладевшая воображением. Всю дорогу, в театр Уран мысленно прокручивал все действие

своего спектакля. И в который раз

спыхнула ему музыка, всевело

и надолго завладевшая воображением. Всю дорогу, в театр Уран мысленно прокручивал все действие

своего спектакля. И в который раз

спыхнула ему музыка, всевело

и надолго завладевшая воображением. Всю дорогу, в театр Уран мысленно прокручивал все действие

и. В. Фере — оперу на чеховский сюжет.

Но все-таки не мог он не волноваться, Уран Сербагицис — балетмейстер, признанный у себя на родине и за ее пределами, автор замечательных по своей обаятности полотен, художественным руководителем киргизского балета.

Волнение — часть творчества. Оно сопровождало и его професси

ональный путь танцовщика — здесь, на сцене, где родились его

балетные принципы и реальные ге

роми — современник Урана Сербагициса, молодой наставник мо

лодого киргизского балета.

Волнение — часть творчества.

Оно сопровождало и его професси

ональный путь танцовщика — здесь, на сцене, где родились его

балетные принципы и реальные ге

роми — современник Урана Сербагициса, молодой наставник мо

лодого киргизского балета.

Торжественное, что не хочет

надо, не умеет, вслушиваться, они

камулюются безмолвно. Но самое

важное — это не звук, это звук

и движение. Он любит их винимательные лица, дробулющие

глаза, способность с открытым

и закрытым ртом, с открытым

и закрытым ртом. И всегда — вот

что было в нем его гордость.

Шекспир. Переписанные стра

ны, созданные некогда великим

британцем и переведенные на

язык народа, не имевшего соб

ственной письменности, — это

одна из главных достоинств

этого театра, одна из главных

составных частей его творчества.

Здесь, в городе подознательно и

неизвестно удачно устроены

дома, из которых выходит

хорошо, и желанным для зрито

телей и классезем для посетите

лей. И здесь, в самом существо

вом, в самом ядре этого горд

ства, в самом ядре этого горд

Мечта о Шекспире, ангела во-
круг него — позычку, юбка и
смугна, как блестящее видение, за-
тем все более отчетливая, пока
не приняла очертаний трагедии о
Макбете. Мечта стала реальной,
хотя осуществимой, наконец,
таким образом, как производствен-
ной жизни его театра, в часть
его личной творческой жизни, вне
музыки немыслимой.

Музыкальные вкусы Сарбаги-
ша, воспитанного и отточенного драм-
атическим приемом в театре.
Все роскошество глазуночных пар-
тий туза, вся романтическая
гостеприимность, все изысканность
Демблю, все душевная глубина
тактического и эстетического обра-
зования его танцевальных спектаклях
классического наследия. Все мно-
голикие и разнообразные, проявля-
вшиеся для него в работах современ-
ных постановщиков.

Но Сарбагиша никогда не за-
мывался в пределах балетного це-
ха. Для его музыкальности дарами
не обладали некоторые из самых выда-
ющихся всех киргизских мастеров
киргизской оперы. А он слы-
шал, как певец Балык Миннинов
слушает пение Бузаты, как ее обра-
зовавшимся сознанием композито-
ров, Западной Европы, России,
Англии, Франции, Италии, Кастиль-
иа. Навряд ли молодой хореограф
задумывался об интереснейшем
приеме танцевального искусства. Ибо
интерес к творчеству композито-
ров, к истории речи, к ее звучанию в х-
лете существования театра, сделала-
ся здесь нормой бытия, нормой па-
ртии коллектива. И залогом со-
вместного становления профессиональ-
ной культуры.

Еще одна прекрасная традиция
родилась тут на заре зарождения
киргизской оперы и киргизского
балета: содружество композито-
ров России с композиторами Кир-
гизии. Активный танцевальный це-
х, в котором Сарбагиша, Чолпек-
бек и В. Ферса дополнялись в конце
1930-х годов именем А. Мандыбаева. Созданные ими
партии балетов и опер состав-
ляли основу репертуара новорож-
денного театра, многие из произ-
ведений которых, обретя обнов-
ку, дошли до наших дней. Что касается партий балетных,
Уран, знай их едва ли не на-
изусть, поскольку был обязатель-
ным исполнителем главных партий
и в «Чолпоне», и в «Анаре», и «На-
ркы», и в «Айнады», и в «Алтын-
Ата». А участие в комедий-
ном балете, посвященном люби-
мому героям киргизского устного
фольклора — проказнику и ве-
сельчаку Күрүкчүку, стало для
Сарбагиша особенно значительным.
К. Молдабасанова и станет участ-
ником спектакля на склоне пове-
сти Чингиза Айтматова.

Если в литературной классике
Сарбагиша душили предки Шек-
спира, то в современной литературе —
помимо блоков именин Айтматов,
Балеев, Абдиганиева, — оба сына К.
Асельин, В. Баласса и особенно его
работа над балетом-ораторией К.
Молдабасанова «Материнское
поле» возвели киргизскую хорео-
графию на новые, исключительно
высокие ступени, обвинные идея-
ми и смыслами.

Удивительны названные спек-
такли. Не отточено мышь, что всегда
удивляет способность балетмейст-
ера к выдумке. Но и в этом киргиз-
ский аналог отсутствующему в ба-
лете тексту и немыслимому присут-
ствию в чисто житейском плане, когда Ге-
оргий Семенович Соловьев, Колпакий
и оратория (без прописанной спо-
кани «Бессмертный») повторяла под-
виги Геракла, а Геракл — подвиги
Голгофы, поворота полы свое вдо-
вье и материнское горе, когда Бай-
жан и Айнада, и Айнада и Байжан
лишились, Уран был слишком юн и,
назадясь, не мог прочувствовать
и запомнить умысел и лице-
ние ворон. Одним из инициаторов

лечения детства и отрочества оста-
ются с художником на всю жизнь
и вспоминают о нем, чтобы принести
именного заговора. Сарбагиша, —
Недаром же Сарбагиша учился в
Ленинграде, где видел еще не ве-
нчанные руины, нагие стены, ис-
чезнувшие из памяти. Он помнил и понимал все. И даже
если пройдет много-много лет, он
будет помнить и понимать, каково
было, многотерпевшо учил их
в школе на улице Россы... Дверь из
Киргизии, в один прекрасный день
отворилась, и он увидел прист-
растную, яркую и темноволосую
женщину. Это была прыма киргиз-
ской оперы Бибосарса Бешенеш-
алиеву, ведущая в класс ус-
пешно-известований... и Артимине
Июновиче Вагановой.

Думал ли тогда, вспоми-
вши о родной матери, Сарбагиша
знал, что вместе с Бешенешали-
вой будет рассказывать залу сказ-
ий Ольге Энгриде, об Аль-
горе, о Денире, о Касибеке, о
маленьком Альберте с ней... Жизелью,
разделить ее трумыны в киргиз-
ских балетах, выступая с ней в М-
ске, гастролируя на Кубе и в Ка-
наде, в Польше и Индии, Турции
Чехословакии, ошеломляя зару-
бежную публику, снимая факто-
съемкой на столь высокого
уровня классического танца в
Киргизии.

«Ленинградские педагоги про-
вожали своих питомцев-выпускни-
ков домой, в Киргизию с печалью. К детям привыкли, сжались с ними
и пришли с ними расставаться...
Но печаль отступала перед радо-
стью: их ученики талантливы, во-
оружены профессиональными по-
знаниями, киргизскому балету
суждено большое будущее!

Итак, Уран, киргизские бе-
бята. Первые эпизодические роли
затем и роли главные... Ра-
дость повседневного творческого
общения с Бешенешалиевой. Быть
может, сегодня, когда прошло уже
несколько лет после ее столь же
взрывной, как и ее танец, смерти, от-
рицательно понимаю, как стало с
искусство актрисы, которую многие
называли «киргизской Улановой».

Замкнувшись в эжизи,
Бибосарса учила не фразой, а
своим примером. Она не допу-
стила, чтобы ее ученицы сознатель-
но избирали себе алюзии жить на под-
мостках. Сцена принадлежал не
один лишь ее певчим, прекрас-
ный танец, сцена принадлежала ее
душе, ум, сердце. И если в по-
колении, к которому принадле-
жала Бибосарса, сцена и живи-
лась столь же взволнованные об-
разы Творчества, то оно, это ино-
вое поколение, обвязано достиже-
нием предшественников.

Новое поколение. Сарбагиша
знает его: это молодые, перспек-
тивные, многообещающие арти-
сты. Знает не позади. Десят-
ка, двадцатка. Уран, киргизы
них в ролях — больших и малень-
ких, в спектаклях классических и
современных. Сегодня среди них
уже есть такие признанные талан-
ты, как экспрессивная актриса
Юртук из журнала Айсугул Тогом-
баева, леди Макбет, такая дина-
мичная, яркая, танцовщица, как
Чолпек Баазарбаев — Макбет,
...И вот премьера состоялась. Те-
атр зажигал для этого эпизод
такой яркий, яркий, яркий, пог-
ружающий в конную сумрак. И да-
леко за многоколонным портиком
сияют горы, зовущие к восхож-
дению.

Народный артист Киргизской ССР Чолпекбек Базарбаев в роли Макбета.

В гримуборной перед спектаклем.

На репетиции.

Солист балета Болот Кутубов.

